

Не было истинно великого мужа,
не вдохновенного божеством.

Цицерон

Утро выдалось на редкость морозным. Окна заросли голубоватыми узорами, а лужицы, разлившиеся по улице, покрылись ледяной коркой. Всю ночь Якоб Ван Ортон нещадно мучился подагрой. Ни мази, ни влажные нагревания, ни настой крапивы не оказали требуемого воздействия. К утру его ступни распухли и посинели как ноги утопленника. Старость овладевала его телом, век близился к завершению, о чем он и подумал, открыв глаза после короткого тревожного сна.

Его служанка, посеревшая от бессонной ночи, принесла умыться и справилась о состоянии хозяина, сообщив попутно, что уже изжарила десяток яиц на завтрак. И действительно, тут же господин Ван Ортон почувствовал приятный запах топленого сала, и живот его заурчал,

словно старый кот. Помолившись, он кое-как спустился на кухню и первым делом осушил кружку с прохладным пивом. Немного расходившись, принялся за завтрак. Несмотря на всеобщие мучения, ел он с превеликим желанием. Затем на него навалилась дрема, и он, усевшись на диване в столовой, принялся вспоминать свое детство и юность; припомнилось ему даже и то, как он совсем еще недавно, полтора десятка лет назад с усердием, наравне с наемниками дубил кожи и до самого заката порой не чувствовал усталости в членах. На том видно он и уснул, потому как после, более ничего не помнил из мелькавших перед глазами видений прошлых лет. Около полудня господина Ван Ортона разбудила служанка. Вид у нее был уже не такой усталый, и хозяин смекнул, что она сама умудрилась вздремнуть, пока он спал на диване. Служанка принесла ему радостную весть: в дом к господину Ван Ортону пожаловал его старый товарищ Ван Акен.

Якоб вышел в гостиную, отметив про себя, что к болям в ногах теперь прибавилась и боль в шее, оттого, что он сидя проспал несколько часов. Его верный друг Йерон Ван Акен стоял у порога. Щеки его были сизыми от мороза. В глазах царило умиротворение, смешанное будто с испугом. Такой взгляд обычно бывает у людей, пребывающих в кратковременном божественном восхищении. Он будто бы и не заметил появления хозяина дома в гостиной, все стоял неподвижно, глядя влажными глазами ровно перед собой. Очнулся он лишь, когда Ван Ортон, тихо подойдя, взял его за холодную руку. Они крепко поцеловались с ним и обнялись.

— Что привело вас ко мне, дражайший друг мой? Вы, я вижу, глубоко погружены в свои мысли, не случилось ли какой беды? Как чувствует себя ваша милейшая супруга?

— Вашими молитвами, брат мой Якоб, с благоверной все в порядке, слава Пресвятой Богородице. Все хозяйством занимается. Затеяла перекладывать пол на первом этаже. Как бы на старости лет ног не переломать.

Он хрипло засмеялся, и Ван Ортон предложил ему сесть и согреться, благо камин был уже давно затоплен.

— Что же тогда привело вас в мой дом, брат мой? — вновь спросил Якоб, ибо столь неожиданное появление господина Ван Акена в стенах его дома не оставляло его в покое.

Ответил господин Ван Акен не сразу. Какое-то время он пристально смотрел на робкий огонь, плясавший по черной головешке и, заговорил лишь, когда Якоб легонько дотронулся до его плеча.

— Я пришел пригласить вас, дорогой друг, в свою мастерскую, — Ван Акен повернулся к Якобу и заискивающе посмотрел ему в глаза, — я закончил триптих, и теперь хочу, чтобы вы стали первым свидетелем моего творения.

Голос Ван Акена задрожал.

— Но больше меня волнует другой вопрос, — тут он опустил глаза,

— лишь вам одному, моему верному другу могу я довериться в столь важном деле, поскольку нас с вами связывают одно непростительное дело и вы до сего дня хранили нашу тайну и никому не обмолвились о случившемся несколько лет назад.

Тут уже задрожал голос у Ван Ортона.

— Что же вы хотите просить меня сделать? — поинтересовался он.

Ван Акен опять поднял голову.

— Я бы хотел чтобы вы, увидев эту картину, сказали мне: божественное ли проведение заставило меня ее написать, либо же это инспирация дьявола, будь он проклят на веки вечные! Если это святой дух водил моей рукой, разъясните мне эти принципы божественного вмешательства, я приму тогда божью волю, покорюсь ей и продолжу путь свой в рисовании. Если же это сатана нашептывал мне на ухо свои мерзости, разъясните мне и это, и тогда я брошу эти доски в огонь и буду молиться о прощении до скончания своих дней!

Из глаз Йерона брызнули слезы. Якоб Ван Ортон поспешил обнять его и, задыхаясь от волнения, постарался ответить.

— О друг мой, если бы я был знатоком в этом вопросе! Как я могу судить о сферах мне недоступных?! Всякое творчество, создаваемое благочестивым христианином, таким как вы, воодушевлено Господом нашим. Все годы, сколько я знаю вас, вы будто святейший апостол Петр, несли в темные души божественный свет, источаемый вашими образами. Всякую неразумную душу ваши картины представляли на путь истинный. В своем творчестве вы всегда были искренни и правдивы, всегда верны святому писанию и никогда не противоречили учению святой церкви! Почему же сейчас, на склоне лет, в сердце вашем зародилось сомнение?! Откуда это роптание на свой божественный дар?

Якоб отстранил брата своего во Христе от себя, щеки его были мокры от слез.

– Каждое мгновение я обращаюсь к Господу и пресвятой Деве Марии, – отвечал Ван Акен, утирая влажные глаза, – чтобы открылась мне истина, но видно молитва моя недостаточно усердна и чиста, ибо ни единым знаком не возвещают меня ангелы господни. Небеса безмолвствуют, а я в ожидании начинаю роптать и подвергать свои мысли сомнению. Тут-то и самое время для лукавого: найти трещинку в моей душе, пусть тонкую как волос, и пролезть сквозь нее.

– Брат мой, – воскликнул Ван Ортон, – не уподобляйте себя тем несчастным, коих оставил у подножия Синая Моисей! Бог вездесущ! В тот час, когда он даровал скрижали завета древнему пророку, он был и среди евреев, воздвигших золотого тельца. Он был и с ними, но они не увидели его. Они отвернулись от Господа, ибо так жаждали узреть его воочию, что просмотрели его в самих себе, и бросились поклоняться бездушному идолу! В этом и есть сила веры, брат мой! И я удивляюсь, что повторяю вам эти прописные истины. Господь вездесущ! Он в каждом сердце, в каждой душе, в каждом луче солнца, в каждой травинке! Ему не нужно являться перед нашими очами каждое мгновение для того, чтобы утвердить свою власть. Это дьявола, будь он проклят на земле и на небе, легко вызвать пред собой. Заставить его и петь и плясать. В этом и есть слабость человеческая. Лениость и распущенность самые короткие пути к гибели. Этим и пользуется сатана. И тогда несчастная душа уже на крючке, уже сама поет и пляшет под дьявольскую дудку. Христианин же силен своей верой в Господа, вера без сомнения и роптания – краеугольный камень его стойкости перед сатаной. А ангелам, милый брат мой, не должно говорить с вами, ибо они говорят через вас.

Его яростные слова немного успокоили Ван Акена.

– Храни вас Господь, – вымолвил Йерон, – ваша поддержка была мне жизненно необходима. Но все же, до-

рогой друг мой Якоб, прошу вас, я должен вам ее показать. Сердце мое исторгло нечто такое, что заставило меня испугаться собственной кисти и усомниться в божественной природе моего творчества...

Якоб почесал затылок и ответил:

– Дорогой друг, ваши картины и раньше наводили благоговейный ужас на христиан, я давно вас знаю, и вы не раз прибегали к страшным и жутким образам в своих творениях. Цель этих изображений была ясна как божий день. Каждый христианин должен был увидеть, что ждет его, не оставь он путь греха. Что же вы могли теперь создать такого, чего не делали до этого?

Ван Акен немного помолчал и серьезным голосом произнес:

– Воистину это тот случай, когда все надо увидеть своими глазами.

Спустя четверть часа, старые товарищи уже пересекали рыночную площадь. Ван Ортон нацепив шляпу и накинув на плечи шерстяной плащ, шел, опираясь на палку, Ван Акен в одном камзоле бежал впереди. Достигнув мастерской, господин Ван Акен спустился в подвальную яму и, отворив ключом дубовую дверь, знаком пригласил господина Ван Ортона войти первым. Якоб кое-как спустился по обледеневшим ступеням и, очутившись внутри, сразу поспешил сесть на единственный стул, стул самого мастера Ван Акена, или как он сам себя называл мастера Иеронимуса Босха.

Ван Акен закрыл дверь и, потирая от холода руки, прошел к небольшой чугунной печи. Подбросив в топку пару поленьев, он развернулся к господину Ван Ортону.

– Эту картину, как вы поняли, друг мой, я писал втайне от всех. От подмастерьев, от жены, от нашего Братства. Потому я переместился в подвал. И ни одна живая душа, кроме меня самого, не видела того, что я изобразил на этих трех досках.

На этих словах мастер Босх сдернул занавеси с небольших узких окон,

выглядывающих на улицу. Ван Ортон сморщился, но больше по привычке, так как света сквозь замерзшее стекло в подвал проникло совсем мало.

Мастер Босх подошел к массивной треноге, которая несла на себе огромную квадратную доску, накрытую холщовым полотном.

– Соберитесь с духом, брат мой, – произнес Босх и сбросил полотнище на пол.

Створки триптиха были закрыты. Поверх белой грунтовки на них был нанесен еле различимый карандашный рисунок. Ван Ортон сощурился, пытаясь разглядеть изображение, но мастер Босх покачал головой и одним махом развернул створки.

В то же мгновение перед глазами Якоба Ван Ортона будто бы открылось окно в другой мир. Треск горящих в печи поленьев вдруг перекрыли топот лошадиных копыт, скрип старых телег, бряцанье лат и мечей, шорох одежды, гул и ропот многочисленной толпы жутких чудовищ, крики и стенания страдающих от невыносимой боли людей, дьявольский свист и зубовный скрежет. Ван Ортон очень явно услышал завывание ледяного ветра, поскрипывание стальных коньков, обрывки нестройных мелодий, издаваемых лютней, флейтой и валторной, лай собак, окрики погонщиков, звон бокалов, монотонное чтение непонятной молитвы. И за всем этим вдруг послышался жуткий звук пожара: тихий, плачущий вой огненного вихря, треск сгорающей древесины. На него даже пахнуло жаром и, Ван Ортон замотал головой, пытаясь стряхнуть с лица весь увиденный ужас.

Тут же он понял, что сидит в подвале своего товарища Ван Акена. В печи разошелся огонь, и в комнате стало жарко. Якоб недоуменно посмотрел на печь и после снова перевел взгляд на картину. За жесткой геометрией складня¹ разворачивалось самостоятельное живое пространство.

– Что это? – не отрывая глаз от изображения, спросил он.

– Искушение святого Антония², – шепотом ответил не менее ошеломленный мастер Босх. Реакция товарища на его работу поразила художника.

– Да, да, да... – тут же зашептал Якоб, и с трудом поднявшись, вплотную подошел к доске, – я вижу...

Ван Ортон, едва касаясь доски пальцами, провел рукой возле центрального изображения святого, стоящего на коленях и пристально глядящего на зрителя.

– Как всё правдоподобно и невероятно одновременно, – произнес он, – всё похоже на страшный сон... На те неуловимые видения, что являются нам под покровом ночи, и которые мы не в силах вспомнить утром. Но всегда остается лишь ужасное ощущение чего-то страшного, дьявольского... А у вас здесь будто целиком замороженный, застывший сон, который можно разглядывать и разглядывать, друг мой... Как вам удалось этого добиться?

– *Dormiens vigila*, – шепотом ответил мастер Босх, – бодрствуй во сне...

Якоб Ван Ортон резко обернулся в сторону товарища, и затем также быстро вновь вернулся к картине, точнее к одному неприметному персонажу на ней. Разглядывая ее в начале, он даже не понял, что показалось ему таким знакомым. Он увидел профиль этого человека краем глаза, проскользнул поверх, не придав значения. Но теперь, услышав эту загадочную фразу на латыни, Якоб Ван Ортон, вперил взгляд в странного господина в черном цилиндре, и, казалось, уже не видит ничего кроме него. Все персонажи, все цветовые пятна вокруг слились в одно яркое, пестрое месиво, в центре которого восседал бородатый мужчина в вычурной шляпе.

– Не может быть, – закричал Ван Ортон, и тут же прикрыл себе рот ладонью.

– Оттого я и обратился к вам, – понутив голову, произнес мастер Босх.

– Никодим... – Якоб затряс головой, – боже мой, это же Никодим, Никодим Ван Ортон, брат мой единоу-

тробный, упокой Господи его душу...

С этими словами господин Ван Ортон отрешенно сел на стул и уткнулся глазами, полными слез, в дощатый пол.

Последний раз он видел своего брата около семи лет назад. В феврале одна тысяча четыреста девяносто восьмого года.

Объявился Никодим неожиданно. На тот момент Якоб уже давно перестал молиться за брата как за здравствующего. На протяжении нескольких лет от него не приходило никаких вестей и Якоб с тогда еще живой их матушкой мысленно схоронили его. Затем умерла и сама мать, и со временем старший брат и вовсе забыл о существовании младшего.

Никодим явился почти ночью, чудом успев войти в город до закрытия ворот. Приехал он верхом на белом рысаке, с небольшой поклажей, включавшей в себя все необходимое для долгого путешествия. Сопровождал его, на не менее красивом вороном коне, совсем юный слуга, немой сарацин.

Они остановились в трактире «Добрый самаритянин», и Никодим сразу же отправил своего мальчика с запиской к брату. Маленький сарацин, темноглазый красивый юноша, застал Якоба уже спящим. Он долго и настойчиво барабанил в дверь, пока ему не отворила служанка. Увидев его темное лицо, та сразу отпрянула, приняв его за черта. Она несколько раз плюнула через плечо и, крестясь, попятилась назад. Мальчик, привыкший к подобному поведению истинных христиан за долгое время, проведенное с хозяином в путешествиях, ничуть не смутился и, переступив порог, протянул напуганной служанке лист бумаги с гербом семейства Ван Ортонов. Расчет вроде был верный, старуха, как и предполагалось, не умела читать, и, увидев фамильный герб, должна была вызвать своего хозяина. Но вместо этого несчастная, то ли спросонья, то ли с устатку, приняла протянутый мавром лист бумаги

за дьявольский договор, или что-то в этом роде, и, швырнув в мальчика фонарь, бросилась в чулан, где заперлась и во всю глотку принялась голосить. Наконец на шум, выбежали обе ее дочки, также работавшие на Ван Ортона, и сам господин, в одном тапке и исподнем.

Обнаружив в своей гостиной эбенового карлика в красном плаще, поднимающего разбившийся, но не потухший фонарь, Якоб Ван Ортон повел себя ничуть не лучше своей служанки. Вначале он, крестясь, пошатнулся, но потом, преодолев испуг, попытался сдернуть со стены висешую над лестницей алебарду. Мальчик, поняв, что ничего доброго ему в эту ночь не сулит, аккуратно положил бумагу на пол, и, прижав ее мерцающим фонарем, стремглав выбежал на улицу.

Наконец, спустившись вниз, Якоб дрожащими руками расправил послание, изрядно заляпанное каплями воска. В верхней части листа красовался свежееотпечатанный щит с растянутой бычьей шкурой. Чуть ниже шел текст на латыни, который Якоб без труда прочел:

Благодарю Бога, которому служу от прародителей с чистою совестью, что непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью, и желаю видеть тебя, вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости, приводя на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике; уверен, что она и в тебе.

И подпись: Bonus Samaritanus.

Из прочитанного Якоб ровным счетом ничего не понял и перечитал странное письмо еще раз.

«Что за бабка Лоида и мать Евника? – пронеслось у него в голове, – что за чушь?»

Он уселся прямо на пол, и неуклюже подсвечивая себе фонарем, стал вглядываться в до боли знакомый почерк. В конце концов, память его отозвалась, и он с великим изумлением вдруг вспомнил, что этой фразой, ци-

татой из «Второго послания Апостола Павла к Тимофею», его кровный брат Никодим каждый раз начинал свои письма. Почему же он подписался Добрым самаритянином? Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать, потому как, перед глазами Якоба всплыла выцветшая вывеска трактира, стоящего у южных ворот.

На следующее утро старший из братьев, не выспавшись из-за ночных переживаний, и потому выглядевший хуже обычного, стоял как вкопанный у иссохшей двери трактира, долго не решаясь войти внутрь. Он все ждал, что вот-вот младший брат сам отворит ему. Но вместо Никодима на улицу вышел дородный пьяница в потертой куртке кузнеца, сплюнул чем-то вонючим и отправился мочиться за угол. Якоб брезгливо отер потные ладони о полы своего камзола и, толкнув дверь, вошел внутрь вертепа. Окинув тревожным взглядом небольшую и будто бы покосившуюся залу, он вдруг увидел странную картину. У замызанного окна сидел молодежавый чернобородый купец южных кровей, в богатом платье и узкополой испанской шляпе. Кулак левой руки он упер в мощный подбородок, правым сжимал рукоять кинжала. Клинок лежал на столе, нарочито обнаженный, словно приготовленный к бою. Подле загадочного господина сидел темнокожий мальчик с большой головой на длинной шее. В тонких руках своих он держал диковинный струнный инструмент, из которого ловкими пальцами извлекал дребезжащие звуки. Остальная публика, состоявшая из местных пропойц, гентских и антверпенских торговцев и карточных шулеров, осердившись, испепеляла странную пару недобрыми взглядами. Их толстые спины, похожие на тяжелые валуны, окружили чужаков плотным кольцом.

Внезапно чернобородый расхохотался, молниеносно спрятал кинжал в ножны и, подпрыгнув со стула, закричал:

– Еще немного, брат мой, и ты стал

бы свидетелем избения путника добрыми самаритянами.

Завсегдатаи от неожиданности вздрогнули, заскрипели стульями и все как один уставились на только что вошедшего Якоба Ван Ортона. Некоторые из местных, узнав его, даже привстали, почтительно подняв шляпы. Якоб, немного помявшись, все же протиснулся сквозь грузные тела посетителей, и, сощутив глаза в надежде узреть знакомые черты в лице чернобородого чужака, назвавшемся ему братом, раскинул для объятий свои руки.

– Пресвятая Богородица! – прокричал он, подойдя ближе к Никодиму.

– Ба! – воскликнул один из пьяниц, – сдается мне это младший сын Яна Ван Ортона, храни Господь его душу! Никак из преисподней вернулся с бесенком-то?!

Публика неодобрительно загудела.

Никодим, усмехнулся, и прежде чем броситься в объятия Якоба, громко произнес:

– Негоже бесом обзывать брата нашего во Христе. Обращенный он в истинную христианскую веру, хоть по роду своему сарацин. Имя ему Антоний. О сем факте имею бумагу, подписанную самим Папой.

После этих слов брата крепко обнялись.

Несомненно, это был Никодим. Лицом он более походил на их усопшую мать, те же тонкие линии, острый взгляд, та же чернявость. Только по прошествии лет он возмужал, виски его уже прибило сединой, да и в курчавой смоляной бороде кое-где виднелись белоснежные кольца. Двадцать четыре года тому назад, сразу после смерти отца, Никодим, совсем еще мальчишка, покинул Хертогенбос, примкнув к пилигримам. Его манили Рим и слава крестовых походов. Якоб же, унаследовав отчий дом и фамильную дубильню, навсегда остался в родном городе.

– Почему же ты сразу не поехал домой? Зачем остановился здесь?

вглядываясь в глаза брата, спросил Якоб.

– Не хотел тревожить матушку...

– Твой слуга нас так вчера на... – Якоб вдруг запнулся на полуслове, поняв, что Никодим не знает о смерти их матери.

– Матушка отправилась к Господу, брат мой. Шесть лет тому назад, – с печалью в голосе вымолвил Якоб, и взял Никодима за руки.

Рот Никодима перекосялся, он зажмурил глаза и опустил голову.

– Она ждала тебя до последнего, – шептал Якоб, – я уже не верил, что ты жив, а она ждала.

– Отведи меня на ее могилу, – сквозь зубы произнес Никодим.

Якоб обнял брата и по-отечески прижал его к своей широкой груди.

– Ты ездешь верхом? – вдруг спросил Никодим.

Якоб отстранил брата и закачал головой.

– Возьму коляску, – ответил он.

Кладбище находилось за стенами города близ восточных ворот. Дорога у братьев заняла около получаса. Якоб ехал в крытой повозке, Никодим с Антонием на своих рысаках. Кое-где еще лежал снег, испещренный вороньими следами, земля была рыхлая и сырая, вот-вот должна была пробудиться трава. Преодолев грязь, братья добрались до места захоронения родителей. Изголовье обеих могил венчал заснеженный каменный ангел с молитвенно сложенными руками. С годами небольшая статуя покосилась, будто бы оберегающе нависнув над усопшими.

Никодим, несмотря на раскисшую грязь, преклонил колено и долго так стоял, что-то шепча себе под нос. Якоб остекленело смотрел на брата, пытаясь хоть как-то осмыслить произошедшее. Юный же сарацин Антоний остался у ворот кладбища охранять лошадей.

Вскоре Никодим поднялся и, подойдя к ангелу, очистил его голову и плечи от снега. Изображение было грубым, даже примитивным. Лицо

его почернело, во впадинах у глаз и ушей виднелись остатки ярко-голубой краски, волосы, крылья и предплечья были изгажены вороньим пометом.

– Матушка! Вы достойны самого лучшего каррарского мрамора! – прошептал Никодим, положив ладонь на холодную щеку ангела, – простите своего неразумного сына...

На этих словах он поцеловал статую в грубо отесанный лоб и, смахнув слезы со своих черных ресниц, развернулся к Якобу.

Домой они уже ехали в повозке. Антоний влачился позади, держа хозийского коня за уздечку.

– Совсем недавно, в Риме, я имел честь познакомиться с работой одного весьма юного, но необычайно одаренного художника, – произнес Никодим, отрешенно глядя в окошко, – несмотря на свой нежный возраст, он искуснейший из скульпторов. В его годы я, помнится, совершенно бездумно бежал из отчего дома куда глаза глядят. А в нем, точнее в его произведении, напротив, царила такая уже зрелая мудрость старца, такая творческая сила, будто сам автор прожил уже не одну жизнь! С ним Господь, я убежден, с самого его рождения он рядом с ним. Я видел его Богоматерь, держащую на руках умирающего Христа. Брат!

Никодим схватил Якоба за колено.

– Я расплакался стоя перед ней! И ведь она была еще не окончена, ее еще сдерживал бездушный камень. Я думал это творение седого мужа, может быть моего ровесника, или человека намного старше меня. Мы даже затеяли спор с моими товарищами из Ломбардии. Но когда мне после сказали, что ее создатель двадцатилетний юнец! Жаль, что совсем не запомнил его имени... Он должен был высекать памятник для нашей матери, только он. Как я виноват перед ней!³

Из глаз Никодима брызнули слезы. Он вдруг взмахнул зарыдал, бросившись на шею Якоба.

Приехав в родной дом, младший брат спешно удалился в выделенную

ему комнату. Проведя в молитве более двух часов, он, наконец, вышел в гостиную. Глаза его покраснелись от слез, а кисти рук были исцарапаны.

Якоб робко взглянул на брата и, тихо вздохнув, произнес:

– Я думаю пора отобедать.

Они сидели за богато накрытым столом в доме их детства, угощались привычными брабантскими яствами, по которым истосковался Никодим и пили французское вино. Антоний играл им на своем инструменте, а служанки шушукались меж собой, подглядывая за ним из-за портьеры.

– Простит ли меня мать, упокой ее душу ангелы? Простишь ли меня ты, брат? – вопрошал уже захмелевший Никодим, – такова видно моя судьба, провести жизнь в скитаниях. Я теперь как блудный сын, вернувшийся в отчий дом. Но не за прощением и жалостью вернулся я в лоно его.

– Полно, брат, – Якоб взял Никодима за руку, – и я, и верю, матушка наша, пребывающая ныне на небесах, давно простили тебя...

Никодим покачал головой.

– Вижу в глазах твоих отеческую надежду, Якоб. Ты стал стар и умиляешься сейчас всякой радости как ребенок. И ждешь ты, видно, что оставшиеся годы проведу я с тобой под одной крышей. Но я вернулся в Денбос⁴ не за тем, чтобы встретить здесь старость. Я приехал попрощаться с тобой, брат.

Якоб подпрыгнул со стула.

– Как же так? Как попрощаться?!

– Слышал ли ты о морских походах в Вест-Индию, брат мой, коих в это десятилетие состоялось уже два и планируется третье? Некий генуэзец по имени Коломбо открыл новый путь в Индию через запад.

– Конечно, – ответил обескураженный Якоб, – моряки и торговцы давно принесли нам эту весть...

Никодим одобрительно кивнул головой.

– Да, да. И, если верить этим пустобрехам, этот Коломбо нашел чудесную страну Офир⁵. В конце мая

сего года из порта Кадис в Кастилии отправляются пять или шесть кораблей. Вот к нему-то я и намерен примкнуть.

– Позволь, брат! Но ведь и ты уже не молод. Не пора ли и тебе упокоиться? Раз ты вернулся в родные земли...

– О нет! – Никодим замахал рукой, – в этом захоластье я точно не останусь. Здесь нет жизни. Вернее сказать, она есть, но будто застыла во льду. Помнишь, в детстве, какой-то зимой было особенно холодно? И мы нашли с тобой вмерзшую в лед лягушку?

Глаза Якоба еще больше расширились, он вдруг выпрямился и откинулся на спинку стула, и видно было, что это неожиданное воспоминание показалось ему приятным. Он даже слегка улыбнулся.

– Помнишь, мы выдолбили ее и принесли в дом?

– Да... положили ее возле печи, а она отогрелась и ожила...

Никодим отпил вина, пристально глядя поверх бокала на брата, погруженного в теплые ощущения детства, причмокнул и отставил сосуд в сторону.

– Так и я, Якоб, – произнес он, – как та лягушка. Оживаю только в тепле. Более двадцати лет я прожил в Италии...

– Ты забыл, что было дальше, – прервал его Якоб.

Глаза Никодима потемнели, он заскрипел зубами.

– Она задергала лапками, – продолжил Якоб, – и потом прыгнула прямо в огонь.

– Как назидательно ты это произнес, – сказал Никодим и вздохнул, – не приближайся близко к солнцу, сынок, иначе погибнешь...

– Что? – нахмурившись, спросил Якоб.

– В Риме нынче очень чтут древнегреческие истории и мифы. Там бы, брат, тебя пристыдили за твое невежество.

Никодим улыбнулся и, наклонившись к Якобу, шёпотом произнёс:

– Я был так близок к солнцу, возлюбленный брат мой, ты даже себе этого и представить не можешь. Пять последних лет я был рабом у Аптекаря сатаны⁶. Точнее сказать, у его паршивого сына⁷.

Якоб испуганно перекрестился.

– Что ты говоришь такое? Ты не в себе.

Антоний перестал брэнчать.

Никодим свирепо осмотрелся по сторонам, и жестом попросил Якоба тоже к нему наклониться.

– Слышал ли ты, что первенца Папы в прошлом году нашли в Тибре и похож он был на сито, так его искололи стилетом⁸? – зашептал он ему на ухо.

На этих словах Никодим, злорадно ухмыляясь, откинулся назад. Якоб сидел ни жив, ни мертв.

– Так знай, возлюбленный брат мой, вот эта рука держала тот стилет, – Никодим протянул Якобу правую кисть ладонью вверх.

Якобу стало дурно.

– Выпей вина, – бросил ему Никодим, – выпей. Станет легче.

Старший брат тут же внял словам младшего, сам наполнил себе бокал до краев, и, не останавливаясь, осушил его до дна. Поставив сосуд на скатерть, Якоб настороженно покосился на затихшего Антония. Тот сидел, словно восковая кукла, не двигаясь и, будто бы, не дыша. Большие черные глаза его смотрели сквозь Якоба.

– Мальчонка был там, – бросил Никодим и, разломив пополам жареного перепела, жадно впился в кусок зубами. Прожевав, и по-детски облизав каждый палец, он продолжил.

– Если бы ты знал всю правду обо мне, брат мой, сердце бы твое не выдержало такой тяжести. Эта правда безумно тяжела и неумолима. Она как камень Сизифа, который он сам затащил на гору, теперь катится обратно и все норовит раздавить его. Именно от нее я бегу, брат, бегу туда, где постоянно дует западный ветер.

– Зачем же ты сделал это? – ше-

потом спросил побелевший от ужаса Якоб.

– В узких кругах я известен как Никола Бургундский, – начал Никодим, – я тот, кто подчищает за другими. В юности я попал в чудный город Венецию и стал учеником одного оружейного мастера по имени Аугустино Рока, который на самом деле занимался еще одним, тайным ремеслом. Именно он научил меня всему. В крестовые походы давно никто не ходил, цель моя, ради которой я покинул отчий дом, растворилась, словно утренний туман. Но тяга к острым ощущениям сохранилась. Ее, должно быть, и подметил старый венецианец. Первого человека я убил, когда мне исполнилось двадцать. Мастер дал мне задание самому выбрать жертву и обставить все так, чтобы поиски убийцы привели к другому человеку. На одной из улиц по соседству жили сапожник и пекарь. Я решил убить сапожника. Вечером, пока пекарь отсыпался, я пробрался к нему в дом, и украл немного муки. Наступила ночь. Я постучал к сапожнику. Изменив голос, я назвалса пекарем и сообщил ему, что в доме моем начался пожар. Тот, испугавшись, отпер мне дверь, на пороге которой я и вонзил ему нож в горло.

На следующий день пекарь был арестован. На месте преступления была рассыпана мука и несколько монет, а сам сапожник лежал на ступенях своего дома в исподнем. Это означало, что убили его глубокой ночью, как раз тогда, когда пекарь начинает свою работу. Несчастливого казнили, а мастер горячо похвалил меня⁹. Я был наидостойнейшим учеником и преемником его ремесла, несмотря на то, что всегда оставался для него чужаком.

– Скольких же людей ты лишил жизни? – отрешенным голосом спросил Якоб.

Никодим какое-то время молчал, глядя прямо в глаза Антонию, и затем произнес:

– Помню, что сначала считал, а

после двадцатого случая сбился или бросил. Это уже не имело значения. Меня нанимали французы, чтобы убивать итальянцев, итальянцы, чтобы убивать испанцев, испанцы, чтобы убивать англичан, а англичане, чтобы убивать французов. И наоборот. Так, однажды, судьба свела меня с Цезаре Борджиа, который не преминул воспользоваться моими услугами. И вот в прошлом году сестра его, Лукреция, понесла, как он подумал, от его брата Хуана. Не в силах стерпеть измены, Цезаре решил с братом покончить. Чтобы отвести от себя подозрения он поручил совершить это преступление мне. В помощь я призвал свою шайку, которая состояла тогда из четырех человек – Антония и трех страшных головорезов, братьев из Ломбардии: Бенвенуто, Винченцо и Витторио. Антоний выманил Хуана в сад, где мы накинудись на него и я девять раз пронзил его тело. Ночью мы скинули его труп в реку. Но как оказалось позже, какой-то рыбак видел нас и запомнил моего белого коня Аквилу. Утром я отравил братьев, подмешав им яд в вино. А на следующий день мы бежали с Антонием в Венецию, так как в живых меня Цезаре бы не оставил.

– Боже мой, – заплакал Якоб, обхватив свое лицо руками, – скажи, что это неправда?! Как же ты низко пал, брат мой! Господи!

– Там я познакомился с испанским купцом Франсиско Фернандесом, – продолжал Никодим, – узнав, чем я зарабатываю себе на хлеб, он нанял меня и дал мне поддельное имя – Рикардо Нуньес. Так я стал испанцем.

Никодим рассмеялся.

– Расстались мы с ним ровно через полгода в Нюрнберге, после того, как я по его приказу заколол тамошнего молодого барончика. И хоть и обставлено все было как дуэль, все же мне пришлось бежать. Перед моим спешным отбытием, Фернандес рассказал мне про кастильский корабль, который отправляется этим маем в Вест-Индию. И вот, по пути в Новую жизнь, я и решил навестить мать и брата...

Якоб опустил руки и раскрасневшимися от слез глазами уставился на Никодима.

– Господь уберег нашу матушку от позора, – дрожащим голосом произнес он, – она не пережила бы услышанного...

– Ну, – пожал плечами Никодим, – положим, я бы рассказал ей совсем другую историю. Да и вообще, вдруг я тебе наврал? Выпил лишнего и меня понесло. Или мне все это приснилось. Вспомни, каким я был придумщиком в детстве.

– А я тебя уже схоронил, – прошептал Якоб, вытирая щеки, – оно видно и верно, ибо ты умер уже давно. И лучше бы ты и не возвращался вовсе.

С этими словами он встал из-за стола и, развернувшись, подошел к окошку. На улице было уже темно.

– Пора спать, – четко произнес Якоб, глядя на свое отражение в стекле.

Никодим отпил еще вина и, погладив бороду, вдруг произнес:

– Когда-то, брат, я уехал отсюда в одном платье, в одной паре сапог и с кухонным ножом за поясом. Платье мое износилось, нож затупился, а сапоги с меня сняли разбойники. Спустя годы я уже менял одежду по два раза на дню, в ножнах моих покоилась дамасская сталь, а подошвой сапог я давил головы всякому отребью. Но что всегда оставалось при мне, так это мое имя. Хоть я и назывался по-разному, по своей крови я всегда был Ван Ортоном. И сейчас, находясь в доме отца своего, я хочу напомнить тебе, брат, что свою часть наследства я так и не истратил. Я имею желание забрать то, что принадлежит мне по праву. Лучше будет, если отдашь золотом. Через два дня я уеду и даю слово, что ты никогда меня более не увидишь и можешь спокойно считать меня почившим в Бозе и дальше. И да, ты прав, пора отходить ко сну. Мавру вели постелить в моей комнате на полу, он еще не бросил своих дикарских привычек.

Сказав это, Никодим вытер губы

салфеткой и, швырнув ее на стол, поднялся и вышел из столовой.

А Якоба словно окатили ледяной водой из ушата. Его бросило в жар, потом будто обдало холодом, защемило сердце и стало трудно дышать. Он пошатнулся и, поняв, что теряет сознание, вытянул правую руку, пытаясь ухватиться за спинку стула.

В чувство его привела старая служанка. Он лежал на диване в столовой с мокрым полотенцем на голове. Увидев, что хозяин пришел в себя, женщина всхлипнула и, сложив ладони, шепотом прокричала:

– Слава тебе Господи! Будь проклят этот ваш брат, сударь! До чего он вас довел, окаянный! И бесенок этот, словно тень за ним шастает! Не равен час и вас в могилу сведет, как и матушку вашу, упокой Господь ее душу!

Якоб открыл глаза, осторожно потрогал полотенце на своем лбу, затем небрежно скинул его на пол и, с трудом поднявшись, сел.

– Поди прочь, – еле слышно произнес он.

– Чего изволите, сударь? – не расслышав, спросила старуха, успев поднять полотенце.

– Поди прочь, ведьма! – срывающимся голосом завопил Ван Ортон, – с глаз долой!

При этом он попытался встать и пнуть ее своей распухшей ногой, но потеряв равновесие, рухнул на диван.

Служанка же, вновь подскочив к нему, приладила полотенце «на место».

– Уйди... – застонал Якоб.

Старуха сгребла мощными натруженными руками свои юбки и, зашуршав ими, скрылась.

Якоб лежал и безрадостно смотрел на перекрестия закопченных балок, держащих потолок. В каждом квадрате виднелся потемневший от времени рисунок щита с растянутой на нем бычьей шкурой. Этот дом был чуть старше Якоба. Под его крышей родился и его младший брат Никодим. Здесь они росли и учились читать, играли в прятки, дрались, получали розгами

от отца, Яна Ван Ортона, мощного человека, уважаемого во всей округе свободного ремесленника, чуть позже в этих стенах скончавшегося. Следом уют родного дома покинул и Никодим, отправившись путешествовать, и тоже сгинув. Сюда Якоб привел свою невесту Матильду Ван Тиссен и совсем скоро отсюда же проводил ее в последний путь с их неродившимся ребенком. Спустя годы, после мучительного недуга ушла и их достопочтенная матушка, фрау Мартине Ван Ортон. В этом доме Якоб богател, старел, сиротел и готовился встретить и свою смерть.

По написанному им два года назад завещанию, дом Ван Ортонов как и фамильная дубильня, после его кончины должны были перейти в собственность Братства Лебедя, в котором он состоял с младых ногтей. Помимо недвижимости, у Якоба имелись значительные накопления, за годы скромного существования ему удалось собрать сумму почти в триста золотых дукатов, и это не считая тех двухсот, что достались им с братом в наследство от отца. Все золото Якоб Ван Ортон завещал кафедральному собору Святого Иоанна с пожеланием скорейшего завершения его строительства.

Таким образом, выходило, что часть, по праву полагавшаяся Никодиму, составляла всего лишь сто дукатов.

Якоб облегченно вздохнул.

«На эти деньги он сможет купить себе полкорабля», – подумал Якоб, – что ж, в конце концов, он прав, такова была воля отца».

Неожиданно ему вспомнились утренние слова Никодима о блудном сыне и следом и сама евангельская притча. Он почувствовал, что ведет себя точно как старший брат из этой поучительной истории, и ему вдруг стало стыдно за свои мысли. Блудный сын промотал все наследство и вернулся к радости отца и негодованию старшего брата, а Никодим вернулся, не истратив и гроша. Якоба опять ох-

вавило волнение, он попытался сесть, но у него не получилось.

«Нужно отдать ему больше...» – задыхаясь, подумал он.

«Но он же убийца, душегуб!» – тут же остановил себя Якоб.

«Но разве сам Господь противился разбойников и блудниц, разве не велел нам прощать и любить их, если раскаются они в грехах своих и встанут на путь истинный? Разве не сел одесную Господа тот разбойник, что принял его, умирая на соседнем кресте?» – отвечал Якоб сам себе.

« Попрошу его оставить это дьявольское ремесло и покаяться, потребую, чтобы бы дал клятву, что вернется к благочестивой жизни и взамен дам ему двести, нет... триста дукатов. Может быть, если бы он сразу взял эти деньги, он бы к своим годам уже утроил их, и нужда не толкнула бы его на преступления... Так и сделаю.»

На этих мыслях Якоб наконец успокоился, дыхание его выровнялось и он закрыл глаза, отдавшись сну.

Утром следующего дня он должен был встретиться со своим старым товарищем, мастером Ван Акеном. В нотариальном протоколе тот засвидетельствовал передачу Ван Ортоном четырехсот семидесяти двух дукатов на хранение Братством до его кончины. Теперь завешание требовалось отозвать для изъятия необходимой суммы и переписать.

Ночь пролетела незаметно. Якоб проснулся рано. Вчерашние мысли вновь всплыли в его сознании и он, воодушевившись ими, поспешил подняться с кровати, несмотря на боли в ногах. Наспех накинув на себя халат, он, кое-как склонив только одно колено, прочитал «Отче наш» и поднялся на второй этаж. Отворив дверь в комнату, в которой спал Никодим, Якоб тихонько зашел и уже хотел будить брата, чтобы взять с него клятву оставить преступный промысел и обрадовать размером полагающейся ему суммы, как вдруг увидел нечто из ряда вон выходящее. На кровати под

балдахином, раскинув руки и ноги в стороны, лежал абсолютно нагой младший его брат, а рядом с ним голозадый мальчишка-сарацин.

Из горла Якоба вырвался истошный крик. Он закрыл свой рот одной рукой, другой же несколько раз перекрестился.

«Пресвятая Дева Мария! – пронеслось у него в голове, – Господи Иисусе! Мужеложник! Содомит! Господи!! Он не просто убийца! Как развратила его эта римская жизнь! Боже мой! Все эти истории греческие! Вся эта распущенность папская! Гореть им всем в аду! В доме отца моего содомским грехом заниматься!!!»

– Вон! – вдруг закричал Якоб и бросился к кровати, – вон отсюда, проклятые!

Никодим, проснувшись, резко подскочил. В правой руке его блеснул клинок кинжала. Мальчишка тоже подпрыгнул и, метнув на рассвирепевшего Якоба испуганный взгляд, кубарем скатился с кровати в чем мать родила, откуда-то выудил нож и, как и Никодим, наставил его на хозяйина дома.

– Изувер! Содомит! – кричал, задыхающийся Якоб, – вон отсюда! Не позорь память отца и матери...

– Остановись, брат! – прогремел Никодим и тут же рассмеялся, – остановись, иначе мне придется остановить тебя.

Якоба неожиданный смех брата привел в замешательство. И он остановился.

– Содомит, – хохотал Никодим, – так меня еще никто не называл.

Он стоял на кровати, голый, в правой руке сжимая кинжал, а левой держась за подтянутый живот.

Якоб растерянно посмотрел на брата, и затем перевел взгляд на мальчишку, забившегося в угол и направившего в его сторону нож.

У окна, полусогнувшись, будто кошка перед прыжком, стояло шуплое темнокожее существо. Красивые большие глаза его, вчера источавшие умиротворенность и какую-то еще

совсем детскую глупость, теперь испепеляли Якоба нечеловеческой яростью. Черные короткие волосы, спрятанные вчера под тюрбаном, были растрепаны. Уши, которых по той же причине сначала не было видно, сейчас торчали как у дикого зверька. Ноздри на тонком носу раздулись, под пухлыми полураскрытыми губами виднелись острые длинные зубы. Ниже шеи, на которой была намотана нить с жемчугом, Якоб увидел то, что никак не ожидал увидеть – девичью грудь. Маленькую, лишь слегка выпирающую, с темными, сморщенными, будто чернослив, сосками. Скользя по плоскому животу вниз, взгляд Якоба уперся в курчавый треугольник, под которым ничего не было. Ноги существа были широко расставлены, и Якоб увидел между ними только слипшийся завиток черных волос. Это была женщина. Вернее сказать, совсем юная дева. Странная, диковинная, но все-таки дева.

Ван Ортону-старшему вновь стало дурно и он, совершенно обессилев, повалился на лавку, стоящую у стены. Никодим, по-молодецки спрыгнув с кровати, поднял с пола халат, заматался в него и, обратившись к девушке, строго произнес:

– Оденься. Плохо, Джумана, плохо. Ты должна была проснуться еще до того как господин вошел в комнату. Окажись на месте моего брата тот, кто желает мне смерти, мы могли бы и не отбиться.

На этих словах Никодим швырнул в лицо девочки ее скомканное платье. Та, покорно схватив весь этот ворох, быстро развернулась лицом к окошку и стала спешно одеваться.

– Хотя и брат мой, как помнится, не далеко ушел от моих врагов и рад был бы видеть меня в гробу, – продолжил Никодим, подойдя к Якобу, – как вы, господин Ван Ортон? Вели подавать завтрак, за ним я продолжу освещать темные стороны своей жизни.

Дождавшись Якоба, даже с помощью служанки с трудом переодевшись к утренней трапезе, Никодим,

молча осушил бокал вина, и зыркнув на испуганную старуху, спросил:

– Ты готов меня слушать?

Якоб, не сводя глаз с Джуманы, опять превратившейся в мальчика Антония, одобрительно затряс головой.

Никодим откинулся на спинку стула и, погладив себя по животу, начал:

– Лет шесть назад я по служебной необходимости прибыл на Сицилию. По завершению дел, я должен был отправиться обратно в Рим, но черт затащил меня на рынок рабов. Местные пираты как раз привезли из Египта кое-что. Там я и увидел этого бесенка. Я сразу смекнул, что под мужским платьем прячется девчонка. Удивляюсь, как лихие сицилийские разбойники не заметили этого. Было ей лет десять в ту пору. Зубы сверкали жемчугом. Помню, тот прохвост, что продал мне ее, все повторял: «la perla! margarita!», и все тыкал пальцем ей в рот¹⁰. От природы дикарка не могла говорить. Но оказалась очень смысленной и способной к наукам. Позже, когда я обучил ее чтению и письму, она смогла написать мне свое имя – Джумана, что в переводе с арабского как раз и означает жемчуг. Не знаю, правда это или нет, скорее всего, она все это выдумала. Да не так это и важно. Важно то, что я привязался к ней всем сердцем.

Возвращаясь в Рим, я помнится, читал Плутарха, или Плиния старшего. В общем, рассказ там шел про любовь Антония и Клеопатры. Про их известный спор о самом дорогом ужине, на котором царица, сняв с уха жемчужную серьгу, растворила ее в чаше с уксусом и выпила его. Тогда мне и пришла в голову мысль оставить все как есть и сохранить тайну маленькой египтянки, назвав Клеопатру Антонием.

Никодим усмехнулся и вдруг надолго умолк, погрузившись в приятные воспоминания.

– Мне было выгодно, чтобы все вокруг думали, что это мальчик. Что это мой черный слуга, – через некоторое время продолжил он, вернувшись из

забытия и, окинув потерянными взглядом столовую.

— А как же папское заверение? — неожиданно спросил Якоб.

Никодим махнул рукой.

— Подделка. Кто разберет настоящая на нем стоит печать рыбака или нет. Главное, как я заметил, говорить об этом с уверенным видом. В общем, поступил я как некогда Авраам, спустившийся в Египет и назвавший жену свою Сарру своей сестрой, чтобы его из-за нее не убили. За долгие годы я обучил ее своему мастерству. Она орудует кинжалом не хуже своего учителя. Тайком умеет проникать в жилища, разбирается в ядах, стала прекрасной наездницей.

Никодим опять надолго замолчал. Джумана, сидевшая напротив, не спускала с него глаз и будто ждала его следующих слов. Она даже слегка приоткрыла рот, словно шепотом пытаясь дать ему подсказку. Охмелевший от вина Никодим снова очнулся и, глубоко вздохнув, произнес:

— Мне нужно попасть в Вест-Индию, милый брат мой Якоб. Я познал любовь сотни женщин, но все они были лживы и изменчивы, и, ни слова и, ни чувства их не стоили молчаливого взгляда этой девочки. И Рим, и Церковная область развращены в высшей степени, но нигде мне не позволят взять ее в жены. Лишь в одном месте я могу сделать это, в земле открытой тем самым генуэзцем по имени Коломбо. Земля эта населена такими же дикарями, что и Джумана. Я как подданный кастильского двора куплю себе целый остров, стану там губернатором, беспрепятственно женюсь на своей тайной возлюбленной, она родит мне наследника, и я буду доживать свой век в счастье и благоденствии, обращая варваров в веру Христову.

Якоб исподтишка, из-под своих мохнатых седых бровей, пристально и осторожно смотрел на Джуману. Вернее сказать на Антония, юного мавра по-европейски одетого в белую сорочку, шерстяную поддевку, кожаную куртку, кожаные штаны для верховой езды и с восточным головным убором белого цвета. В чертах мальчика теперь неумолимо проглядывала таинственная немая рабыня из верхнего Египта. Ее темная, будто закопченная, кожа отливала зеленым золотом, блестела, будто чешуя древней змеи. Изящным изгибом выточенная из эбенового дерева тонкая и неестественно длинная шея легко держала прелестную, кажущуюся несоразмерно большой из-за многослойного тюбана головку. Джумана аккуратно взяла стакан с водой и поднесла к губам. Кончики ее тонких черных пальцев с розовыми ногтями, попав в луч утреннего солнца, тотчас засветились, став полупрозрачными. Якоб зажмурился, и вдруг перед глазами его возникло видение из далекого детства. Точно также на солнце вспыхивали зрелые яблоки, и сквозь кожицу можно было видеть коричневые зернышки. Якоб с умилением открыл глаза и вдруг увидел, что теперь Джумана смотрит на него. Она тихо поставила стакан на место и невинно, но при этом невероятно завораживающе облизала влажные от глотка воды губы. Взгляд ее был грозным и сокрушающим. Из огромных ее глаз катились на Якоба два огненных вихря. Якоб испугавшись, резко опустил голову и несколько раз провел рукой по лицу, пытаясь стряхнуть с него чары искусства.

— Что с тобой? — спросил Никодим.

— Слишком много потрясений для одного дня, — нашелся Якоб, — трудно в моем возрасте сносить такие известия.

Никодим ехидно улыбнулся.

— Но последним твоим словам я не сказанно рад, — добавил Якоб, — именно к этому я и призывал тебя, говоря, что и ты уже не молод. Ты затеял благое начинание, брат мой. Тебе надо прийти к Господу и мирной жизни и оставить свое кровавое ремесло. Сегодня утром, когда я видел тебя нагим, я заметил множество шрамов изуродовавших твое тело. Настало время остановиться.

— Да, — вздохнул Никодим, — смерть идет по моим пятам. Много раз я был почти убит. Меня кололи, резали, разрубали на части. Цезаре Борджиа отправил вслед за мной своих шпионов, Максимилиан¹¹ назначил за мою голову тысячу гульденов. Но смерть все не может меня найти, потому что всю жизнь я скрываюсь за разными именами. Вчера я был Нуньесом, сегодня меня зовут Гус Ван Гарвен, завтра еще как-нибудь. Курносая сцапает меня лишь тогда, когда узнает мое настоящее имя.

Никодим расхохотался.

— Но этому не бывать! — выкрикнул он, — выпьем же, брат, за бессмертную жизнь!

Сделав глоток вина, Якоб, поставил стакан на скатерть, и немного помывшись, произнес:

— Я должен взять с тебя клятву, брат мой, что более ты никогда не вернешься к прежнему, ни единого человека не лишишь жизни, и остаток своего века посвятишь семье и Господу. Поклянись могилой матери и отца, только тогда я волен буду отдать причитающуюся тебе часть наследства. Все золото я передал на хранение Братству и без моего на то разрешения ты никогда не получишь этих денег.

— А я говорю вам: не клянитесь во все, — задумчиво вымолвил Никодим, — ни небом, ни землею, ни Иерусалимом, ни своей головою, ибо не можете ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого¹².

Для Якоба слова брата прозвучали издевкой, но тут же Никодим выпалил:

— Мое слово: да! Этого достаточно?

Якоб понял, что попал в ловушку, так как спорить с Господом Богом он был не вправе.

— Ну хорошо, — смиренно ответил он, — я принимаю твое согласие.

— Сколько же мне полагается? — шутивным тоном спросил Никодим,

— кажется, сто золотых монет? Знаешь, брат, в Риме я был обладателем целого состояния и жил на широкомую ногу. Ни в чем себе не отказывал. Швырял деньгами направо и налево. Скопил две или три тысячи дукатов, которые хранил у себя Цезаре Борджиа и которые теперь принадлежат ему. Я ведь был у него, что твой кондотьер¹³. Только ни земель мне, ни чести, ни славы. Хорошо, что вообще ноги унес.

Никодим опять захохотал.

— А теперь ты из меня делаешь кондотьера, — успокоившись, продолжил он, — хочешь чтобы я за кровные свои сто дукатов, поклялся тебе, что стану воином света.

— Триста, — прошептал Якоб, — триста дукатов.

Глаза Никодима полезли из орбит, он заерзал на стуле, и, наклонившись к брату, тоже шепотом спросил:

— Я не ослышался? Ты сказал «триста»?

— Прежде мне нужно навестить своего товарища, мастера Босха, — сухо ответил Якоб, — под его свидетельством я все накопления свои завещал собору Святого Иоанна. Шесть лет назад мы уже жертвовали на медную купель для храма. А к концу своих дней я решил отдать все деньги на богоугодное дело, ибо до вчерашнего дня я мнил себя сиротой.

Наконец и Якоб улыбнулся.

— Мастер Босх? — нахмутив брови, спросил Никодим, — он живописец?

— Что? — Неожиданный вопрос сбил Якоба с толку, но, тут же сообразив, о чем его спрашивал брат, утвердительно кивнул головой и сказал: — Да, и прекрасный.

— Хм, — Никодим поджал губы, — у вас тут есть прекрасные живописцы? Не думал. Познакомь меня с ним.

— Э-э... Вечером, когда...

— Нет, нет. Познакомь сейчас. Возьми меня с собой. Мне жутко интересно. Вечером не будет времени, а я хочу посмотреть его работы.

— Хорошо. Я думаю, мастер Босх не откажется тебе их показать.

– Как любая творческая натура, – ухмыльнулся Никодим, – Босх должен быть его прозвищем? Как его зовут на самом деле? Он же местный?¹⁴

– Да, он наш земляк. Иеронимус Босх это его прозвище, которое он сам себе дал. А зовут его Йерон Ван Акен. Возможно, ты его даже когда-то встречал, – ответил Якоб.

– О-о, латинизировал имя. Да он образован, как я погляжу. Осталось лишь выяснить, насколько талантлив.

– В обители нашего братства на стене висит его картина «Воз сена», – вдруг вспомнил Якоб, – сейчас я собираюсь навестить нашего председателя Ван Арсихта, чтобы договориться о вечерней встрече, и ты можешь воочию разглядеть его талант. Мимо этого полотна ты точно не пройдешь.

– Прости меня, брат, но все же, я думаю, у нас с тобой разные представления о таланте. Но картину посмотрю с удовольствием!

Никодим подпрыгнул со стула и, потирая руки, бросился в свою комнату, чтобы переодеться.

Высокое здание с каменным лебедем на фронте, отстояло на несколько домов от жилища Ван Ортонов. Фасад его также выходил на рыночную площадь.

– Якоб, я помню этого лебеда! – прошептал Никодим, задрал голову вверх, – в детстве я метал в него стрелы из самодельного лука.

– А я в это время постигал азы благочестия под его покровительством, – усмехнулся Якоб и отворил тяжелую дверь. Подойдя к небольшой деревянной статуе Богородицы, увенчанной золотыми звездами, Ван Ортон-старший склонил колени и перекрестился. Из-за угла выглянул худощавый студент. Якоб, заметив его приплюснутую рыжую голову, поднялся и громко произнес:

– День добрый, Лукас! Можем ли мы увидеть председателя Ван Арсихта?

Рыжий Лукас, с подозрением рассматривающий странную тройцу, молча кивнул и скрылся за углом.

– Пройдем в главную залу, – предложил Якоб, – картина там.

Все трое прошли через коридор в ярко освещенную центральную комнату. Картина Босха висела на широкой стене, отделанной розовым мрамором. Лучи мягкого утреннего солнца, падающие на нее из высоких окон, воспламенили все ее краски, и казалось, что свет исходит изнутри картины, озаряя всю каменную залу.

Никодим встал перед доской и долго и пристально разглядывал ее, чему-то таинственно улыбаясь и время от времени качая головой.

– Ты прав, – вдруг сказал он, – она притягивает внимание. Есть в ней очень необычные моменты. Например, вот эти падшие ангелы, что валяются с небес и приближаясь к земле превращающиеся в насекомых. Это очень интересно. Очень. А в целом все довольно обычно. Как там говорится в пословице? Мир это воз сена, и каждый норовит выхватить из него кусок побольше?

– Мое почтение, – вдруг раздалось откуда-то слева. Все трое обернулись. На них шел мощный, высокий, седовласый господин.

Якоб откланялся.

– Здравствуйте, господин Ван Арсихт. Спешу представить, мой младший брат Никодим Ван Ортон.

Никодим и Ван Арсихт раскланялись друг перед другом.

– Я помню вас... – прогремел председатель, но тут же неодобрительно взглянув на мавра, прятавшегося за спиной хозяина, не сдерживаясь в эмоциях, выпалил:

– Это что за нехристь?! Что бы духу его не было в нашем доме! Стены братства не потерпят врага христов!

Никодим молча сунул руку за пазуху и вытащил оттуда свиток плотной бумаги. Развернув его, он также, не проронив звука, протянул его председателю.

Тот близоруко посмотрел на бумагу, затем вытащил из потайного кармана оптические стекла, водрузил их

себе на нос и принялся вчитываться в текст. С каждой строкой седые брови его вздымались все выше и выше, но когда он в конце документа увидел знакомую печать, они вдруг рухнули под натиском десятка морщин на его взоревшем лбу. Дрожащей рукой он снял с переносицы очки, затем еще раз зачем-то пробежался по тексту, хотя уже не мог различить ни буквы, и, облизав сизые губы, протянул папскую заверение Никодиму.

Якоб на это удрученно вздохнул и стыдливо уставился в пол. А Никодим напротив, победоносно улыбнулся и, спрятав документ обратно.

– Что он здесь делает? – все также недобро спросил Ван Арсихт.

– Он мой слуга, уважаемый господин Ван Арсихт, и ко всему прочему, он обучен восточной технике защиты при нападении и посему является еще и моим телохранителем. Он не может оставлять меня одного, иначе я же самолично отрежу ему голову. Поэтому прошу вас разрешить ему присутствовать при нашем разговоре.

– О чем вы хотели поговорить?

– Это разговор сугубо личный, – услужливо вымолвил Якоб.

Ван Арсихт громко и сипло вздохнул, недоверчиво посмотрел на маленького сарацина, и, кивнув в знак согласия, открыл дверь в кабинет.

– Старый башмак, – проворчал Никодим и сплюнул, когда они покинули дом Братства Лебеда, – не дай я тебе слово, я бы уже давно выпустил ему наружу его слежавшиеся от старости кишки.

– Полно, брат! – возмутился Якоб, – как ты смеешь так отзываться о почтенном Ван Арсихте!

– Его почтение лишь в его почтенном возрасте, – бросил Никодим, – ну веди же нас скорее к своему мастеру Босху!

Якоб удрученно замотал головой и прибавил шагу.

Дверь им отворил молодой подмастерье в фартуке, запачканном краской. Руки и лицо его были измаза-

ны сажей. Запустив братьев внутрь, парень вернулся к своей работе, измельчению жженных костей. Другой ученик, белобрысый толстяк, за соседним столом растирал в каменной ступе какое-то вещество красного цвета. Мастер Босх, в сером колпаке и куртке без рукавов, сидел у окна на низеньком стуле напротив небольшой доски, закрепленной на треноге. В противоположном углу на закопченной печи, под присмотром третьего ученика, чумазого коротышки, пыхтели и булькали сосуды различной формы. Босх, увидев Якоба Ван Ортона, улыбнулся и, встав со стула, подошел к гостям.

– Мое почтение, господин Ван Акен, – произнес Якоб, и крепко пожал руку хозяину, – мой брат, Никодим Ван Ортон.

Босх, поклонился незнакомому господину, и затем перевел взгляд на Антония, прячущегося за его спиной.

– Большая редкость в наших краях увидеть живого мавра, – с любопытством в глазах сказал Босх.

На что Никодим улыбнулся и ничуть немедля ответил:

– Позволю себе заметить, господин Ван Акен, ученики ваши сейчас мало чем отличаются от моего слуги.

Босх захохотал и жестом пригласил пройти гостей в соседнюю комнату.

– Если не знать, что мы находимся в мастерской художника, можно подумать, что это лаборатория алхимика, – усевшись в кресло, произнес Никодим.

– Очень опасное сравнение, господин Ван Ортон, – нисколько не смутившись, ответил живописец и, обратившись к Якобу, спросил, – надеюсь, брат ваш, не имеет никакого отношения к Святой инквизиции?

Якоб сконфуженно покряхтел и, громко сглотнув слюну, промолвил:

– Прошу простить его за не совсем удачную шутку, господин Ван Акен... Поспешу изложить суть дела, с которым мы к вам пожаловали, дабы не отрывать вас от дел.

– Ну что же ты, брат, – вмешался Никодим, – по-моему, господин Босх по достоинству оценил мой юмор. Возможно, он несколько остр для северных широт, но не неудачен.

Босх, сдержанно улыбаясь, кивнул.

Якоб опять покряхтел, почесал нос и вкратце рассказал своему товарищу о цели их прихода в его мастерскую, опустив все жуткие подробности.

По худому, угловатому лицу Босха пронеслось еле заметное сомнение, смешанное с недоумением. Но он не стал задавать лишних вопросов и, немного помолчав, дал свое согласие.

– Уважаемый мастер Босх, – вдруг начал Никодим, – позволю себе называть второстепенной причину моего появления в вашем доме, о которой вам поведал мой брат. Основная же цель моего визита – ознакомиться с вашими живописными работами. Я большой знаток и любитель этого искусства. Не так давно я имел честь путешествовать из Венеции в Нюрнберг с молодым мастером Дюрером. Возможно, вы слышали о нем.

Босх еще раз кивнул, но уже в некотором изумлении.

– Да, даже видел пару копий с его гравюр.

– Я знаком с гениальным живописцем Леонардо, – продолжил Никодим, но по нахмуренным бровям Босха, понял, что имя этого художника было ему неизвестно, – не окажите ли честь, уважаемый мастер Босх?

– Основные свои работы я писал для братства, для церкви... – неуверенно ответил Ван Акен.

– Да, я понимаю, о чем вы, но мне бы хотелось увидеть что-нибудь, как говорится *hic et nunc*¹⁵. Возможно даже то, что находится в процессе написания. Не откажите в просьбе. Молю вас. Только, что я имел честь лицезреть ваш «Воз сена». Это очень необычная и интересная работа.

Против такого натиска Босху устоять не получилось, и он лишь развел руками.

– Ну хорошо, в таком случае прошу пройти в мой кабинет, – улыбнулся

ся он.

Подмастерья окунули вошедших безучастными взглядами, наверное, приняв их за новых заказчиков, и тут же вернулись к своей монотонной работе.

Босх подвел братьев к доске, возле которой сидел несколько минут назад. На картине был изображен старец, сидящий в пустом стволе засохшего дерева.

Никодим близоруко наклонился к доске, понюхал ее, затем выпрямился и, сделав шаг назад, выпучил глаза.

– Вы пишете в технике *alla prima*, – произнес он, – это интересно. Итальянские живописцы сейчас предпочитают краской вылепливать изображение.

Никодим захохотал.

– А вы пишете быстро. И судя по запаху все еще на яйце. Плодовитые куры залог нидерландской живописи. Я слышал, именно, мастер Ван Эйк усовершенствовал производство красок, взяв за основу масло¹⁶. Вы совсем не используете его?

Босх лишь пожал плечами в ответ на этот вопрос.

– Да и с перспективой, как я погляжу, вы незнакомы. Кто этот старик? – небрежно бросил Никодим.

– Святой Антоний, – чуть слышно вымолвил Босх.

– Ага, пробавляетесь бабкиными сказками. Помнится, в молодости я тоже читал «Золотую легенду»¹⁷, – Никодим почесал бровь, – что ж, при всем уважении, мастер Босх, я будто бы и не уезжал отсюда двадцать пять лет назад. Все та же плоская живопись, те же тусклые цвета, те же темы, почерпнутые из старых книг да местных пословиц.

Якобу стало неудобно перед товарищем, и он схватил брата за руку.

– Никодим, остепенись! Ты оскорбляешь хозяина в его же собственном доме, – прошипел он.

– Нет, нет, – остановил его Босх, – мнение приезжего человека, искренне выражающего свои мысли, очень важно для меня.

Никодим деланно улыбнулся и, нарочно уставившись в потолок, спросил:

– Как вы думаете, мастер Босх, зачем вы занимаетесь этим ремеслом?

Босх сощурил глаза.

– По божьему повелению? Из-за собственной гордыни? – продолжил Никодим.

– Брат, я прошу тебя! Уйдем отсюда! – закричал Якоб.

– Якоб, друг мой! – Босх встал между ним и Никодимом, – я отвечу. Не думаю, что брат ваш имеет цель оскорбить меня. По божьему повелению.

Никодим, ехидно улыбаясь, закачал головой.

– С детства я имел тягу к рисованию и соответствующие способности, – ответил Босх, – именно Господь определил мой путь и я верен ему по сию пору. Возможно, вы и вправе сравнивать мою живопись с работами других художников, так как имели возможность их лицезреть, но спешу уверить вас, делаю я это от чистого сердца, именно так, как повелел мне Господь всемогущий.

– Так-то оно так, – не унимался Никодим, – а вы помните его притчу о зарытом таланте? Вы, на мой взгляд, как раз представляете тот самый случай. В вас, несомненно, скрыт богатый дар, но достоин ли ваш труд ожиданиям Господа? Он наделил вас недюжинными способностями и наверняка ждет, что они сторицей вернутся к нему, созрев и взойдя в ваших руках, в вашей душе. Но что же он получит? Безликие полотна, как у других подобных вам живописцев?

Наконец терпению мастера Босха пришел конец, лицо его побелело, брови сердито сдвинулись.

– Позвольте спросить, сколько вам лет?

– Сорок восемь, – процедил Босх.

– Земную жизнь пройдя до половины... – в никуда произнес Никодим, – будь вы помоложе, я посоветовал бы вам незамедлительно бросить все и ехать в Венецию, или лучше

во Флоренцию. Поверьте, друг мой, я действительно не ставил себе цель нанести вам оскорбления или унижить вас перед вашими учениками. Но мне посчастливилось видеть в Италии нечто совершенно иное. И не ваша в том вина. Вы просто родились в этом захолустье и всю жизнь здесь живёте, совершенно не зная, что жизнь за воротами Денбоса давно изменилась. Ваши схоластические принципы давно канули в Лету и скоро будут сожжены вместе с Джироламо Савонаролой¹⁸. Во главе угла сейчас стоит гуманизм. Не знаю, слышали вы такое слово или нет. Но весь образованный мир уже охвачен этой чумой просвещения. Из земли извлекают прошлое, которое во стократ прекрасней настоящего. Древние мраморы, античная литература, поэзия, философия. Я выучил греческий именно для того чтобы читать труды Аристотеля в подлиннике и со мной весь образованный мир, я выучил латынь чтобы читать труды Цицерона, и вслед за мной это делает весь образованный мир. Вдруг оказалось, что от наших глаз скрыто неведомое мировое знание, мудрость древних, которые были намного прекраснее и совершеннее нас. Мы теперь как карлик на плечах великана и именно это позволяет нам видеть дальше. А вы, простите мою прямоту, видите только загаженные подворотни Денбоса. Живописцы Италии рассекают человеческие тела, для того чтобы научиться лучше их изображать, они пишут труды по пропорциям и перспективе. Вы же не знаете и не хотите знать ничего. Отсюда сбежал даже замечательный мыслитель Эразм¹⁹ и мудростью своей и острым умом потешает теперь английского принца. Затхлостью старухи смердит вся наша земля, моя родина, и мне печально сознавать это. Потому, не пренебрегите советом, послушайте мои слова. Годы ваши стали препятствием для важных перемен в вашем ремесле. В таком почтенном возрасте переучиваться, мягко скажу, смешно и нелепо. Но дабы остаться

вам в веках и не сгинуть среди безымянных соратников по цеху, дам вам следующий совет.

Никодим наклонился к обескураженному Босху.

– Сделайте то, чего никто не делал до вас. Напишите святого Антония так, как это было на самом деле. Откройте свою душу и, пусть из нее выплеснется на полотно все, что там таится, все ваши самые страшные сны и грезы. Пройдут века. Забудут всех. Всех забудут. Все сгинут в песке времени. А вас будут помнить. Короли будут покупать ваши картины. Они будут висеть на стенах самых богатых дворцов. *Ars longa, vita brevis*²⁰, как говорили древние. Ваше имя и слава переживет вас. А эту картину, хоть она и не закончена я покупаю. Антоний!

Босх вздрогнул от окрика Никодима и, сообразив, что происходит, беспомощно закачал головой.

– У нее уже есть заказчик... – прошептал он.

Юный Антоний выудил из-за пазухи нить с жемчугом, острыми ногтями начав распутывать узелок.

– Хорошо, – улыбнулся Никодим, – две жемчужины. Нет, три. Доску прошу передать моему брату Якобу. Пусть это останется моим прощальным подарком.

Наконец Антонию удалось распутать узел и он, ловко сняв три белоснежных шарика с нитки, протянул их на розовой ладони мастеру Босху.

– Прошу простить меня за некоторую прямолинейность в высказываниях, – произнес Никодим, взяв художника за плечи, – приношу глубочайшие извинения за резкость своих слов. Несомненно, вы выдающийся живописец. У вас богатейшее воображение, как я успел заметить, но, к сожалению, по большей части оно в вас сокрыто. И все же я преклоняю голову перед вашим мастерством и, пользуясь гостеприимством моего брата, смею пригласить вас сегодня вечером, после всех юридических дел, на ужин в наш отеческий

дом. Не откажите в любезности.

Ошарашенный Босх, приняв из рук Антония три жемчужины, посмотрел вначале на онемевшего от стыда Якоба, затем на раскрасневшегося от чувств Никодима, и, остановив свой взгляд на улыбающемся маленьком мавре, одобрительно закивал головой.

– Вот и славно! – Никодим похлопал живописца по костлявому плечу и, поправив у себя на голове шляпу, четко произнес:

– Поторопимся, брат. Скоро обед, затем нас ждут важные дела и приятный вечер в обществе лучшего мастера живописи во всем Брабанте. Еще раз, прошу прощения.

На этих словах он откланялся и направился к выходу. Антоний, сверкнув белоснежной улыбкой, поспешил открыть хозяину дверь, а потрясенный выходкой брата Якоб, согнувшись, и кивая головой, словно старый филин, попятился за ними.

Только очутившись в стенах родного дома, Якоб смог трезво оценить произошедшее, и сразу же набросился на Никодима. Он был вне себя от ярости, несколько раз прокляв тот день, когда матушка им разродилась. Невозмутимый младший брат около часа отвечал на нападки старшего, в конце концов, успокоив его. Около пяти вечера они снова отправились к председателю Братства Лебеда господину Ван Арсихту. Мастер Босх тоже явился строго к означенному времени. Был он гладко выбрит и с очищенными от краски ногтями.

Усадив всех за круглый стол, Ван Арсихт, совмещающий председательство в Братстве с главенством в цехе каменотесов, удалился в сопровождении своего секретаря в потайную комнату. Появился он спустя четверть часа, держа в руках увесистый ящик красного дерева. С грохотом поставив его на стол, председатель не менее шумно уселся сам. Вооружившись очками, он взял из рук секретаря несколько пожелтевших листов бумаги и принялся вчитываться в них, что-то шепча себе под нос. Закончив озна-

комление, он отложил документы в сторону и, кивнув головой секретарю, громогласно потребовал:

– Прошу всех присутствующих называть свое имя, заявить о намерениях и устно подтвердить, что они изъявлены по собственной воле.

– Якоб Ван Ортон, сын Яна Ван Ортона, – пересохшим голосом начал Якоб, – пятидесяти лет, потомственный кожевник, почетный мастер цеха дубильщиков. Имею намерение изъять из суммы в четыреста семьдесят два дуката, завещанных мною на строительство собора Святого Иоанна и сохраняемых до момента моей смерти Братством Лебеда, членом которого я являюсь, триста дукатов для передачи их моему брату Никодиму Ван Ортону. Подтверждаю, что делаю это по собственной воле, находясь в здравом уме и рассудке.

Секретарь шустро заскрипел пером.

Ван Арсихт, дождавшись, когда его помощник поставит точку, поднял мохнатые брови и уставился на Никодима. Тот молчал. Тогда Ван Арсихт жестом попросил его продолжить. Никодим хранил молчание. Ван Арсихт в гневе сдвинул брови и прогремел:

– Назовите свое полное имя! Имя!

Никодим поднял на него темные, будто пустые глаза и спустя мгновение произнес:

– Меня зовут Никодим Ван Ортон. Я сын Яна Ван Ортона и брат Якоба Ван Ортона. Имею намерение получить триста дукатов из суммы переданной моим братом на хранение Братству Лебеда.

– Вы подтверждаете, что это ваш брат? – грозно спросил у Якоба Ван Арсихт, указывая пальцем на Никодима.

– Подтверждаю, – ответил Якоб.

– Теперь вы, – обратился Ван Арсихт к Босху.

– Йерон Ван Акен, сын Антония Ван Акена. Сорока восьми лет, живописец и рисовальщик, член Братства Лебеда. Присутствую за этим столом,

дабы засвидетельствовать изъятие необходимой суммы из накоплений господина Ван Ортона и дальнейшую передачу остатка на хранение Братству.

Секретарь, высунув красный язык, аккуратно и не торопясь записал слова мастера Босха.

– В-вы! – запнувшись, рявкнул Ван Арсихт, ткнув в сторону мавра. Тот беспомощно выпучил глаза и в панике кинулся к хозяину.

– Он нем как рыба, – ответил за него Никодим, усаживая его обратно, – запишите: Антоний, шестнадцати лет, немой слуга Никодима Ван Ортона, сарацин, обращенный в истинную христианскую веру Папой Александром IV.

Когда секретарь закончил, председатель протянул руку к Якобу.

– Не соблаговолите передать мне ключ, уважаемый друг мой.

Якоб вытащил из-за пазухи кожаный шнурок, на котором болтался бронзовый ключ, снял его через голову и передал председателю. Отворив замок, Ван Арсихт, откинул массивную резную крышку ящика и поднял из его нутра кожаный мешок с сургучевой печатью. Продемонстрировав всем присутствующим ее целостность, он с хрустом надломил ее. Распутав узел, и стряхнув смоляные крошки со стола, он со звоном высыпал из мешка содержимое.

– Господин Ван Акен, отсчитывайте триста дукатов. Затем считаем остаток, помещаем обратно в мешок и запечатываем.

Ван Акен, вытерев вспотевшие ладони о полы камзола, протянул дрожащие руки над кучей золотых монет, и, ухватив, чуть больше половины, как ему показалось, подвинул горсть к себе. Затем он начал складывать увесистые монеты стопками по десять штук, считая их вслух.

Все присутствующие молча наблюдали за ним, и когда он, наконец, закончил, в маленькой горстке осталось монет пятнадцать.

– Вы наичестнейший человек, го-

сподин Ван Акен, – улыбаясь, сказал Никодим, – я одобряю выбор моего брата. Признателен вам за вашу честность. Поверьте, мне доводилось сидеть за одним столом, на котором вот также лежало золото, с такими людьми, что прежде чем за него сесть, мне приходилось отрывать им рукава.

Никодим похлопал Босха по плечу и расхохотался.

– Прошу вас оставить ваши неуместные шутки, – прогремел Ван Арсиht, – теперь считайте вы, Якоб.

Якоб, опять побагровевший от стыда, принялся пальцем считать монеты в каждой стопке. Дойдя до трехсотой, он поднял голову и четко произнес:

– Триста дукатов.

– Теперь считайте вы, – Ван Арсиht указал на Никодима.

– Позвольте господин председатель, но я всецело доверяю брату и господину Босх... Ван Акену.

– Таков протокол! – заревел Ван Арсиht.

– Прошу прощения, – тут же ответил Никодим и начал считать. Закончив, он поднял последнюю монету, и, глядя на изображение Иисуса Христа на аверсе, произнес:

– *Sit tibi Christe datus, quem tu regis iste ducatus*²¹. Триста!

Затем мастер Босх отсчитал остаток в сто семьдесят два дуката, и передал их для пересчета Якобу, который в свою очередь передал горсть председателю. Ван Арсиht считал монеты очень долго, сбиваясь и сопя. Закончив, он ссыпал их в мешок, завязал на его горле узел, после положил концы шнурка в специальную стальную форму, густо намазал сургучем, который уже успел расплавить услужливый секретарь, и придавил жирную горячую кляксу крышкой с оттиском. Вложив мешок вместе с сопроводительным документом, на котором расписались все кроме Антония, в ящик, Ван Арсиht запер его и отдал ключ Якобу.

– *Actum est, ilicet!*²² – произнес он.

К десяти вечера братья Ван Ортоны и господин Ван Акен, любез-

но принявший приглашение, успели распить бочонку прошлогоднего вина. Никодим красочно рассказывал о нравах и привычках современной Италии, делился воспоминаниями о встрече с живописцами, в подробностях описывая последние новшества в технике и способах изготовления красок. Неожиданным, как для Якоба так и для Босха, стало его откровение о том, что он учился в университете в Перудже, где, собственно и познакомился с младшим сыном Папы Александра IV. Босх все это время не терял ни минуты, делая быстрые зарисовки профилей Никодима и диכוvinного во всех отношениях мавра по имени Антоний.

– А римские женщины, – продолжал Никодим, – это не забытые брабантские бабы. Это царицы, это существа высшего порядка. Они посещают лекции, учат греческий, они хотят быть наравне с нами, мужчинами. Еще немного и они потеснят своих мужиков, нацепят латы, сядут на коней и, вооружившись мечами, надерут им задницу.

Никодим захохотал. Смех его подхватили и Йерон с немного расслабившимся от выпитого Якобом.

– Позвольте посмотреть? – обратился Никодим к Босху.

Тот охотно передал ему несколько листов.

– Прекрасно, – прошептал Никодим, разглядывая карандашные рисунки, – в вас есть умение точно схватывать характер. Посмотри, Якоб, на этот мешок с соломой! Это же ты!

Никодим вновь захохотал. Якоб в ответ махнул рукой и отпил вина.

– У меня для вас есть подарок, – произнес Никодим, пристально глядя в глаза захмелевшему Босху.

– Ну что вы, сударь! – восторженно воскликнул тот, – сегодня вы обогатили меня целым состоянием, купив Святого Антония!

– Нет, нет! То, что я отдал вам за картину это – тлен, бездушный камень. Я же хочу одарить вас бессмертием. Мальчик!

Никодим щелкнул пальцами.

Антоний отбросил в сторону свой музыкальный инструмент и, шлепая босыми ногами, выбежал из комнаты.

– Я дам вам ключ, – продолжал Никодим, – ключ к бессмертию.

Босх нервно заерзал в кресле.

– Что ты опять несешь, брат? – заплетающимся языком спросил Якоб.

– Тссс, – Никодим поднес указательный палец правой руки к губам.

Вернулся Антоний, держа в руке небольшой кожаный чемодан. Передав его хозяину, он вновь уселся на ковер, скрестил ноги и принялся бренчать дальше.

Никодим отпер чемодан и достал оттуда тонкий свиток. Развязав узелок, он расправил его, поднялся из-за стола и положил его перед Босхом. Ван Акен, будто почуяв неладное, поджал губы и осторожно наклонил голову. Перед ним лежал потемневший кусок пергамента, лист из старинной книги, плотно испещренный текстом на латыни. Верх страницы венчали два слова – «*Dormiens vigila*».

– Что это? – пересохшим голосом спросил Йерон.

– О, это чудесно описанная техника бодрствования во сне, мой друг, – елеио ответил Никодим, подсаживаясь к Босху.

– Если это черная магия, я, пожалуй, покину этот дом, – холодно ответил Ван Акен и попытался подняться со стула.

Никодим тут же схватил его за руку и силой усадил обратно.

– Что вы, милейший сударь! Как вы могли подумать обо мне такое. Я благочестивый христианин и все дьявольское мне чуждо. Сидите! Это чистой воды наука. Вы видно подумали, что это страница из еврейской книги Зогар²³ или еще что-то в этом роде. Нет, никакой магии, кабалистики или алхимии. Это лишь описание духовной практики бодрствования во сне. Доводилось ли вам хоть раз просыпаться в собственном сне? Просыпаться и чувствовать себя беспомощным? Было такое?

Босх испуганно смотрел то на Никодима, то на Якоба.

– Ну вспомните, наверняка такое с вами случилось. Так вот здесь, на этом небольшом листочке, описано, что нужно делать, если вы проснулись в собственном сне, как почувствовать силы и перебороть страх. И даже более того, здесь говорится о том, как намеренно можно просыпаться во сне.

– Послушайте, Никодим! – выпалил Босх, – к чему вы меня склоняете? Я заявлю о ваших выходках куда следует! Несмотря на многолетнюю дружбу с вашим братом!

– Ну к чему эти угрозы? – расплылся в улыбке Никодим, – в том, что я хочу вам показать нет ничего противоестественного или противного Богу. Сон это его создание, и нет ничего зазорного в том, что мы можем осмысленно в нем побродить.

– Есть сферы, которые, как мне кажется, мы не вправе затрагивать и попираить, – резко ответил Босх и вновь попытался встать.

– Я прошу вас, мастер Ван Акен, – Никодим опять силой усадил его на место, – дослушайте. Вы научитесь погружаться в мир снов и грез. Перед вами откроются новые грани бытия и сознания. Вам как художнику это должно быть невероятно интересно. Вы расширите границы видимого мира и познаете божественное. Именно про это я говорил вам сегодня. Попросите Господа показать вам, как стойко держался Антоний перед нападками сатаны и его прихвостней. И Господь ответит вам, он покажет все муки святого и его христианское мужество в их снесении. Он покажет вам его победу над силами зла. Он явит это все во сне. Разве не снится вам то, о чем вы надрывно думаете, когда работаете над картинами? Снится, но к утру вы забываете все или почти все. В глазах ваших остаются лишь обрывки воспоминаний, полузабытые ощущения пережитого. Я же предлагаю вам стать непосредственным свидетелем божественной

тайны, истины. Предлагаю увидеть все ясными глазами и главное, запомнить, запомнить все увиденное, чтобы потом перенести на доску. И тогда это увидят все, каждый. И вострепещут они от славы господней!

Никодим ладонью накрыл зеленый бокал с вином, обхватил его пальцами и поднес к губам Босха.

– Выпейте! Давайте выпьем! Антоний!

Мальчик вновь подскочил и, наполнив два бокала вином, передал его Якобу и Никодиму.

– Во славу Господа нашего Иисуса Христа, и ныне и присно и во веки веков, выпьем кровь его.

Никодим осушил свой бокал и поставил до дна выпить и Босха. Нехотя выпил и Якоб. К вечеру он сильно устал и порядком захмелел и уже не чувствовал в себе сил бороться с навязчивостью брата.

Никодим вернулся на свое место.

– Поручите вашему подмастерью поднять вас ко вторым петухам. Встаньте, умойте лицо ледяной водой и снова ложитесь в постель, – яростно говорил он, – тело ваше вновь погрузится в сон, а разум при этом будет бодрствовать. Как только вы почувствуете, что проснулись, вы сперва не сможете пошевелить даже пальцем. Вас настигнет панический страх, если вам знакомо такое выражение. Но не спешите, пугаться. Тем более, что по-настоящему проснуться у вас не получится. Что же говорит нам этот чудесный текст по этому поводу? Оказывается, нужно просто посмотреть на свои руки! И оковы сонного плена тот час спадут с ваших членов. Вы станете свободным и будете вольны делать все, что пожелаете! Хотите летать, как в детстве? Летите! Хотите вкусить заморских яств? Вкушайте! Хотите ласк и любви самых прекрасных женщин?

Якоб неожиданно почувствовал на языке вязкое горько-сладкое послевкусие. Он облизал губы, громко сглотнул слюну и вдруг ощутил во всем теле сильное облегчение. Ноги

его, скованные напряжением и болью постепенно расслабились, голова поползла вниз, а веки отяжелели. Голос Никодима начал отдавать глухим эхом.

– Насытившись всеми излишествами, коих нам не хватает в нашей жизни, вы вдруг почувствуете в себе тягу к абсолютному знанию. Многие, из бодрствующих во сне, застревают на этом шаге, поддавшись низменным инстинктам. Это мера человеческой духовности. Вам, я верю, не составит труда перешагнуть все эти соблазны по сути являющие собой смертные грехи. И тогда пред вами явится проводник. Возможно, это будет тетраморф, существо с телом быка, лапами льва, крыльями орла и лицом человека, или ангел. Он спросит вас, зачем вы здесь, а может быть и промолчит. Но вам все равно нужно будет задать свой вопрос.

Голос Никодима все отдалялся и отдалялся. Якоб почувствовал, что сознание медленно, будто мелкий песок из верхней колбы песочных часов, покидает его тело.

– Многие просят провести их в библиотеку, хранилище всего мирового знания, где находятся все написанные, утраченные и забытые и еще не прочтенные и даже не написанные книги...

Это были последние осмысленные Якобом слова Никодима. Он погрузился в крепкий сон, но после, через короткий промежуток времени, который почему-то казался невероятно долгим и тянущимся, Якоб вдруг снова ощутил себя. Ощутил во сне. Он все так же сидел у себя в гостиной. Вокруг было темно, даже сумрачно. Якоб повертел головой и попытался встать, но тело его было словно пришито к креслу.

– Посмотри на свои руки, – вдруг услышал он.

Якоб судорожно поднял руки ладонями вверх и опустил глаза. Ничего не было видно. Сердце его защемило от страха.

– Не бойся, – опять сказал кто-то.

Якоб поднял голову и увидел перед собой Никодима. Тот сидел в кресле, абсолютно нагой и в черной шляпе на голове. Обнаженное тело его в окружающем сумраке светилось закатным тусклым светом. И тут Якоб заметил, что все оно было покрыто разverzнутыми кровоточащими ранами.

— Смерть нашла меня, — промолвил Никодим, — мне пришлось назвать свое имя. Прощай, брат мой возлюбленный!

— Это меня должны были назвать Якобом, — усмехнувшись, добавил он, — с древне-еврейского это имя переводится как держащийся за пятку. Я родился следом за тобой. Я должен был носить это имя. Прощай!

Постепенно Никодим растворился в сумраке, а потрясенный видением Якоб, почувствовал, что сознание вновь покидает его.

— Якоб! Якоб! — донеслось откуда-то.

— Господин Ван Ортон! Проснитесь же! — кричал кто-то.

Якоб с трудом открыл глаза. Перед ним стоял побелевший от ужаса Йерон Ван Акен и тряс его за плечи. За окном уже светало.

— Что такое? Где я? — Якоб завертел головой.

— Ваш брат! — кричал Босх, — он, кажется, мертв!

— Что?! — Якоб оттолкнул товарища в сторону и, не смотря на почтенный возраст, подпрыгнул с кресла.

Напротив него недвижимо сидел Никодим. На голове его, неестественно склоненной на бок, покоилась черная шляпа с высокой тульей. Открытые глаза будто остекленели, из перекошенного рта торчал посиневший язык.

— Никодим! — закричал Якоб и бросился к брату. Схватив его руками за щеки, он принялся трясти его, пытаясь привести в чувства. Но все было тщетно. Нижняя челюсть Никодима опустилась еще ниже и изо рта и ноздрей начала сочиться черная тягучая слизь.

— Остановитесь! — мастер Босх

вцепился в руки Якоба и начал оттащить его от трупa.

— Остановитесь, Якоб! Он мертв! Разве вы не видите? Он отравлен! Не прикасайтесь к нему!

Якоб резко расслабил руки, выпрямился и вновь завертел головой.

— Где эта bestия?! — сорванным голосом произнес он, — где она? Где эта африканская нехристь?

— Пойдите, Якоб! О чем вы? — Босх попытался развернуть товарища к себе лицом, — о ком вы говорите? Это же был мальчик.

Якоб вдруг рухнул как подкошенный, обхватил голову руками и завыл.

— Иисус сын Давидов... — промямлил он, — помилуй меня грешного... Это она его убила... убила... это она.

— Друг мой, — произнес Босх, склонившись над Якобом, — вы, кажется, еще не пришли в себя. По-моему, вчера вечером Никодим подсыпал нам в вино какое-то зелье... От которого, возможно, умер сам.

— В погоню! — вдруг закричал Якоб и попытался подняться на ноги, но они предательски его подвели: кряхтя, он вновь повалился на пол, — мы еще сможем ее догнать! Она не могла уйти далеко.

— Я решительно ничего не понимаю, — Босх присел рядом с барахтающимся Якобом, — о ком вы постоянно говорите?

— Антоний! — вопил Ван Ортон, смятая побелевшими пальцами ковер, — он на самом деле ни какой не мальчишка! Он — девка! Распутная грязная девка! Магометанская убийца! Никодим мне раскрыл ее тайну. Она не может далеко уйти! Внешность ее слишком приметная для наших краев.

— Что же тут произошло? — произнес ошеломленный известием Босх, — куда вы меня втянули?

— Деньги! Она украла деньги! — упершись лбом в половицу, рычал Якоб, — это все из-за денег! В погоню!

— Якоб, Якоб, — спокойно сказал Босх, и положил руку ему на затылок, — мы с вами очутились в очень опас-

ной ситуации. Единственно верное решение – сохранить все в тайне. Последствия расследования могут быть для нас ужасными. Одумайтесь.

Якоб вдруг успокоился и сел. Лицо его побагровело, седые волосы были растрепаны.

Босх молча посмотрел в его осоловелые глаза и затем тихонько спросил:

– Вы видели что-нибудь?

– А? Вы... вы о чем?

– В своем сегодняшнем сне вы видели что-нибудь? – спокойным голосом повторил Босх.

Якоб замотал головой.

– А вы? – спросил он Йерона.

Босх легонько кивнул.

– Но об этом не должна узнать ни одна живая душа.

– Что же мы скажем о смерти Никодима? – прошептал Якоб.

– Правду, – ответил Босх, – его отравил слуга-сарацин и сбежал с его деньгами. И ничего более.

– Но тогда погоню все-таки необходимо устроить, – произнес Ван Ортон.

– Возможно, – Босх поднялся с пола, – но сначала нужно сжечь все вещи вашего брата, способные вызвать хоть малейшее подозрение у инквизиторов.

Как выяснилось позже, юного сарацина, убившего Никодима Ван Ортона и укравшего триста золотых дукатов и двух рысаков, черного и белого, никто из стражников, карауливших на всех четырех городских воротах, не видел. Он не попался на глаза ни одному из многочисленных денбосских попрошаек. Поиски черного убийцы оказались тщетны и вскоре по Хертогебосу поползли слухи, что Никодим пал жертвой самого черта, которого привез в город. С каждым днем количество небылиц все возрастало. Оказалось, что под тюрбаном мавр прятал рога, а кузнец рассказывал всем, что лично видел красный хвост, торчащий из его штанины. У одной женщины корова не дала молока, а в навозе нашли отпечатки козлиных копыт. У другой кто-то залез в чулан и выпил все лампадное масло, а у суконщика или у портного

пропали новые яловые сапоги. Виной всех бед и невзгод теперь был черный карлик с большой головой, которым ко всему прочему начали пугать детей, называя его непонятным именем Мора или Мара²⁴.

– Именно это вы видели той ночью? – спросил Якоб, после того, как воспоминания семилетней давности пронесли у него перед глазами.

– Да, – сухо ответил мастер Босх, закрывая складень.

– Постойте, – вдруг встрепенулся Якоб, и привстал, – не закрывайте. Я хочу еще раз взглянуть.

Ван Ортон подошел к доске и снова, посмотрел на Никодима, на Святого Антония и, подняв взгляд чуть выше, туда, где была изображена темнокожая девушка с блюдом в руках, спросил:

– Это она?

Босх как-то робко пожал плечами и ничего не ответил.

– Расскажите, как это было, – Якоб развернулся к товарищу, – что это было за видение? Босх склонил голову, и, сложив ладони замком, поднес их к губам. Немного помолчав, он собрался с духом, и произнес:

– В ту ночь, Никодим долго рассказывал об этой своей духовной практике. Помню, что вначале во мне это вызывало негодование и раздражение, затем гнев мой сменился любопытством, и вот когда он, как мне сейчас кажется, дошел до самого интересного, при том, что я сейчас абсолютно не могу вспомнить, о чем он говорил, крепкий сон овладел мной. Кажется, я спал целую вечность, прежде чем пришел в себя, и понял, что нахожусь в собственном сне в трезвом рассудке. Я сидел в вашей гостиной, в том же самом кресле, но ни вас, ни вашего брата рядом со мной не было. Поначалу я и, правда, не мог пошевелиться, жуткий страх сковал меня. Но затем я вспомнил о совете посмотреть на свои руки и это сработало. Я поднялся и решил выйти из вашего дома. Пола под ногами я не чувствовал, хотя выглядел он настоящим. И тогда я вспомнил слова Никодима о том, что в этом состоянии

можно летать. И вы знаете, друг мой, я легонько подпрыгнул и взлетел. Словами не описать это чудесное ощущение легкости и свободы. Полетав под потолком и, вдоволь насладившись своей невесомостью, я решил выпорхнуть на улицу. Во дворе было сумрачно, едва мерцала заря. Денбос был пустынен и нелюдим. Я поднялся над его крышами и стал носиться взад и вперед, не веря собственным чувствам! Пролетая над своим домом, я увидел даже, что черепица на скатах местами обвалилась! Вы представляете? Затем я направился к башне собора, окружил вокруг шпиля, обнесенного строительными лесами, и решил сесть на него! Каково же было мое удивление, когда мне удалось это сделать! Я вцепился в него руками, будто какая-нибудь ворона и стал разглядывать Хертогенбос, который лежал передо мной как на ладони. Сверху я мог видеть все четыре входа в город, рыночная площадь была размером с тарелку! Затем я вдруг увидел будто бы пожар, зачинавшийся на востоке. Сперва я подумал, что это восходит солнце, но после увидел, что солнце клонилось к закату с противоположной стороны. В тот же миг какая-то неведомая сила потянула меня туда, к этому огню, будто какой-то голос изнутри поманил меня. Тогда я спрыгнул со шпиля и полетел на восток, через городскую стену. Я несся вдоль Доммеля, то приближаясь к воде, то отдаляясь. Сверху, в речной глади, я видел свое отражение. Я расставлял руки в стороны, переворачивался вокруг своей оси! То были невероятные ощущения полной, абсолютной свободы от тела. Вскоре окружающий воздух будто бы сгустился, он стал обволакивать меня. Я почувствовал его жар и заметил, что лечу уже не над Доммелем, а над какой-то красивой и таинственной поляной, на которой росли исполинские черные полевые цветы. Я решил остановиться и уселся на цветок чертополоха, который оказался мягким как перина. Рядом с собой я увидел гигантского зимородка. Размером он был с медведя. Он

посмотрел на меня своими огромными черными глазами и тут я заметил у него в клюве свиток. Я протянул руку и взял его. В тот же момент зимородок взмахнул крыльями и улетел прочь. Я развернул пергамент и понял, что это та самая страница из таинственной книги, которую накануне мне подарил Никодим. «*Dormiens vigila*» было написано в заглавии. Я стал читать дальше, но ни слова не мог понять из прочитанного. Язык казался мне знакомым. Это будто бы была латынь, но вот слова, или даже сочетания их были мне не ясны. Закончив чтение, я вдруг услышал странный шелест. Я поднял глаза и увидел перед собой неземное существо. Это была женщина. За спиной у нее были мушиные крылья и она порхала передо мной как мотылек вокруг зажженной лампы. Кожа ее была похожа на раскаленный уголь, но раскаленный не докрасна, а добела. Она была черна, но в то же время, будто бы какой-то внутренний, белесый свет прорывался сквозь трещины на ее коже. Глаза ее! О, что это был за взгляд! Она словно смотрела прямо внутрь меня! Они горели, пылали ярким, неземным огнем.

— Кто ты? — спросил я.

Существо подлетело ко мне вплотную и открыло рот, обнажив белые как жемчуг зубы.

— Я демон сновидений, — отвечало мне существо, — я хранитель мира грез, Анамушт.

— О, господи! — воскликнул потрясенный Якоб и перекрестился.

Босх отрешенно посмотрел на него и спустя мгновение продолжил:

— На чьей ты стороне? — спросил я ее, — на стороне Господа Иисуса Христа? Или же на стороне противника его, Люцифера?

— Я часть той вечной силы, — отвечала мне Анамушт, — что через зло приносит благо. Мой создатель сотворил и тебя, и всех людей, и всех тварей небесных, земных и водных.

Так сказала мне она.

Босх снова посмотрел на побледневшего Якоба.

– Что еще ты хочешь узнать? – спросила она меня, продолжил Иерон, после некоторого молчания, – и почему-то мне не пришло в голову ничего другого, как просить ее показать мне, как сатана искушал Святого Антония. Анамушт на это будто бы улыбнулась, вновь сверкнув своими белыми зубами, и приблизилась ко мне так близко, что я, кажется, почувствовал ее ледяной жар, или пылающий холод. Мне теперь трудно выразить словами, что это было за ощущение. Я даже услышал не то треск горящего угля, не то хруст льда. Она поцеловала меня в губы, и, тут же отстранившись, сказала: ты увидишь все своими глазами, от начала и до конца, но покажу я тебе это в следующий раз. На этих словах она взметнулась ввысь и исчезла в звездном небе. А я вдруг опустил глаза и вновь посмотрел на свои руки. В тот же момент я проснулся в вашей гостинной, дорогой друг. Надеюсь, что мой рассказ не отвратит вас от меня.

Босх с отчаянием в глазах посмотрел на Якоба.

– Постойте, – взволнованно произнес Ван Ортон, – а когда же вы увидели все то, что затем нарисовали? И главное как?

Босх тяжело вздохнул и, подойдя к стене, вынул из нее незакрепленный кирпич, и из образовавшегося отверстия, служившего ему тайником, достал свиток желтого цвета.

– Так, стало быть, тот листок не пропал! – возмущенно воскликнул Якоб, и вновь уселся на единственный стул в комнате, – стало быть, вы не сожгли его с остальными бумагами Никодима!

Босх замотал головой.

– И вы, должно быть, не раз еще встречались с этим демоном, с этим суккубом²⁵, с этой марой²⁶! Вы вступали с ней в любовную связь?

– Нет, что вы! – Босх замахал руками, – упаси Господи! Она лишь показала мне страдания Святого Антония. Вернее сказать, я был на его месте и перенес все то, что перенес он. Демоны подняли меня высоко в небо и

сбросили оттуда на землю. Меня терзали адские чудовища, острыми когтями и клыками они разрывали мою плоть, гады и гнус кусали и жалили меня. Черви и муравьи забирались мне под кожу. Обнаженные девы искушали меня, манили меня своим срамом, но я выстоял, удержался, беспрестанно молясь. И на исходе сил, когда мне чудилось, что я уже умираю, я вдруг будто бы увидел божественный свет и услышал голос, льющийся как бы с небес. Я был с тобой все это время, сказал он, но ты должен был бороться сам. Ты прошел испытания, потому что я всегда помогал тебе.

Якоб недоуменно уставился на Босха. Теперь он понял, почему того терзали сомнения по поводу истинной природы его творчества. В его рассказе все было так спутано и перемешано, божественное и дьявольское, белое и черное, что грех было не поддаться этим сомнениям.

«В чем же правда?» – растерянно подумал Якоб.

– Вы, верно, теперь считаете меня пропащей душой? – безнадежно спросил Иероним Босх, уловив во взгляде товарища предубеждение к себе.

– На все воля Божья, – хриплым голосом произнес Якоб, так как вдруг ясно представил себе, что ни что на свете не происходит без божьего ведома, ни плохое, ни хорошее.

25 апреля 2014 г.

Примечания:

¹ Складень – наименование распространенной в Средневековье в странах Центральной Европы формы церковных алтарей.

² Антоний Великий – святой отшельник IV века, ставший символическим образом борьбы с искушениями. Отец монашества: первая исторически достоверная личность в истории монашества в египетской пустыне. Его жизнеописание полно рассказов о чудесных извлечениях и изгнаниях бесов, совершенных святым.

³ Скорее всего, Никодим рассказывает о своей встрече с молодым Микеланджело и описывает его гениальную скульптуру Пьета. Микеланджело на ту пору было

всего 23 года. Джорджо Вазари в своих «Жизнеописаниях...» приводит похожий случай, когда толпа зевак из Ломбардии, стоя перед этой статуей тщетно пыталась угадать имя автора. Микеланджело, тайно подслушав их разговор, и возмущившись невежеством зрителей, прокрался ночью к скульптуре и высек на поясе Богородицы свое имя. Таким образом, говорит Вазари, Пьета это – единственная подписанная работа Микеланджело.

⁴Простонародное название нидерландского города Хертогенбоса.

⁵Согласно Святому Писанию в Офир из порта на берегу Красного моря ходил один из кораблей Соломона (3Цар. 9:26) и привёз ему 420 талантов золота.

⁶Аптекарь Сатаны – прозвище Папы Александра IV, в миру Родриго Борджиа, данное ему народом за страсть к отравлениям своих врагов.

⁷Речь идет о младшем сыне Родриго – Чезаре Борджиа.

⁸В июне 1497 года неизвестными был убит старший сын Родриго Борджиа Хуан.

⁹Похоже, что Никодим описывает реальный случай, произошедший в Венецианской республике в период Возрождения. Некий пекарь был казнен по ложному обвинению в убийстве. Через некоторое время выяснилось, что он не был причастен к совершению преступления. С тех пор каждое судебное заседание в республике начиналось словами «Помни о пекаре!».

¹⁰Жемчуг на итальянском и греческом.

¹¹Максимилиан I – Король Германии.

¹²Здесь Никодим приводит неполную цитату из Нагорной проповеди. (Матф. 5:33-37).

¹³Кондотьеры – в Италии XIV—XVI веков руководители военных отрядов, находившихся на службе у городов-комму и государей и состоявших в основном из иностранцев.

¹⁴Иероним Босх взял псевдоним в честь родного города Хертогенбоса. Название города переводится со старо-голландского как Герцогский лес.

¹⁵Здесь и сейчас (лат.)

¹⁶Ян ван Эйк (1385 или 1390, Маасейк—1441 Брюгге) — нидерландский живописец раннего Возрождения, мастер портрета, автор более 100 композиций на религиозные сюжеты, один из первых ху-

дожников, освоивших технику живописи масляными красками.

¹⁷«Золотая легенда» (лат. *Legenda Aurea*) — сочинение Иакова Ворагинского, собрание христианских легенд и занимательных житий святых, написанное около 1260 г. Одна из самых любимых книг Средневековья, в XIV—XVI вв. стоявшая на втором месте по популярности после Библии.

¹⁸Савонарола Джироламо (1452, Феррара, – 1498, Флоренция), флорентийский религиозно-политический деятель. В бытность диктатором Флоренции устраивал Костры тщеславия, на которых сжигали предметы быта, произведения искусства и книги. Противник политики Папы Александра IV. В 1497 году Савонарола был отлучен от церкви, а позже, 23 мая 1498 года по приговору флорентийской синьории он был повешен, а труп его сожжен.

¹⁹Никодим говорит о Эразме Роттердамском, (1469, Роттердам, – 1536, Базель), нидерландском учёном-гуманисте, писателе, филологе, богослове, виднейшем представителе северного Возрождения.

²⁰Жизнь коротка, искусство вечно (лат.).

²¹Это герцогство, коим ты правишь, тебе Христос, посвящается (лат.) Круговая легенда на венецианском дукате XII века.

²²Дело сделано, можно расходиться, (лат.).

²³Основная и самая известная книга из многовекового наследия каббалистической литературы.

²⁴Видимо, от искаженного мавр, *mauri* на латыни.

²⁵Суккэб или Суккэбус от лат. *succuba* «любовница»; *succub(ve)* «лежать под» – в средневековых легендах – демоница, посещающая ночью молодых мужчин и вызывающая у них сладострастные сны.

²⁶Мара – в скандинавской и славянской мифологиях злой дух, демон, садящийся по ночам на грудь и вызывающий дурные сны, сопровождающиеся удушьем под весом демона, отчего сами дурные сны стали носить имя кошмара. Считалось, что марами, или морами становились девушки, родившиеся с зубами или в кровавых рубашках, а также не крещенные или крещенные с нарушением церковных правил девочки.